

НИКОЛАЙ БОРОДИН

Хозяин Пророчества

Москва, 2012

НИКОЛАЙ БОРОДИН

- Пепел прошлого •
- Маска священной лжи •
- Хозяин Пророчества •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б83

Серия основана в 2005 году
Выпуск 125

Художник
А. Сальников

Бородин Н. В.

Б83 Хозяин Пророчества: Пепел прошлого; Маска священной лжи; Хозяин Пророчества /Послесл. К. Савельева.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 668 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1177-1

Прошлое властно стучится в двери.

Бести выходят из глубин Великой пустыни, чтобы доказать людям, что они не бессильные призраки минувших дней, и забрать наконец то, что принадлежит им по праву... Ренегаты великой Гильдии, найдя себе нового хозяина, собираются с силами, чтобы отомстить своим бывшим собратьям-чародеям... По жилам гор, заполненным вязкой огненной лавой, поднимаются демоны... Гномы, властители подземных чертогов, никогда не считали их серьезной угрозой, и теперь им придется заплатить за беспечность...

И все это — лишь звенья великой Цепи, что опутала весь мир, подчиняясь своему Мастеру. Тому, кто проник в секреты Пророчества, не имея на то никакого права, и воспользовался древним знанием, повергнув весь мир в хаос.

Старые союзнические грамоты не подскажут, кто истинный друг. Слова старых присяг могут оказаться ложью. Многие встанут по разные стороны баррикад, и многие обнаружат, что плечом к плечу с бывшими врагами идут к единой цели.

Приходит время войны за Пророчество.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1177-1

© Бородин Н. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Разум является главным источником всех противоречий. И им, разумом, наделены многие существа — смертные, бессмертные. И те, кто может осознать эту первопричину, порой воздевают руки к небу и вопрошают богов: за что?

Даже не давая себе труда подумать, что же творится в душах самих богов. Пусть они лишь дети Создателя, приносящие Дар Его в новые миры. Но они проживают тысячи, миллионы судеб, и они чувствуют то, что выпадает на долю бесчисленным живым существам. И бывает, что противоречия в их душе становятся слишком сильны. Превращаясь в раздоры. В антагонизм.

Возраст. Разум. Опыт. Знание окружающего мира, неотъемлемой частью которого являются его обитатели, наделенные душами, а иногда, по их личному мнению, даже разумом. Все это более не в чести. Они более не считают все это важным. Они пошли против единой воли, что мудро направляла их столь многие годы. Они подумали, что их покровитель забывает о нуждах некоторых из них. Они решили, что могут обойтись без него, что могут одержать победу в вечной игре с жизнью самостоятельно, объединив усилия.

Конечно, они лишь перегрызутся и не сдвинутся с места — в лучшем случае. А в худшем их усилия, обратившись друг против друга, разобьют корабль в щепки, и великое дело будет предано забвению. Потому что потом они будут искать пути самостоятельно, неразумные дети, и не смогут выбрать верного.

Но пока что они побеждали. Осмелившиеся направить свою волю против отца своего, против того, кто был готов радеть об их благе, они одерживали верх! Их союз оказался крепок, и никому из них не было дела, что впоследствии он обречен. Сейчас они хотели получить власть.

Они утратили почтение к высочайшему авторитету и величайшей мудрости. И любящий отец, не желая видеть своих детей,

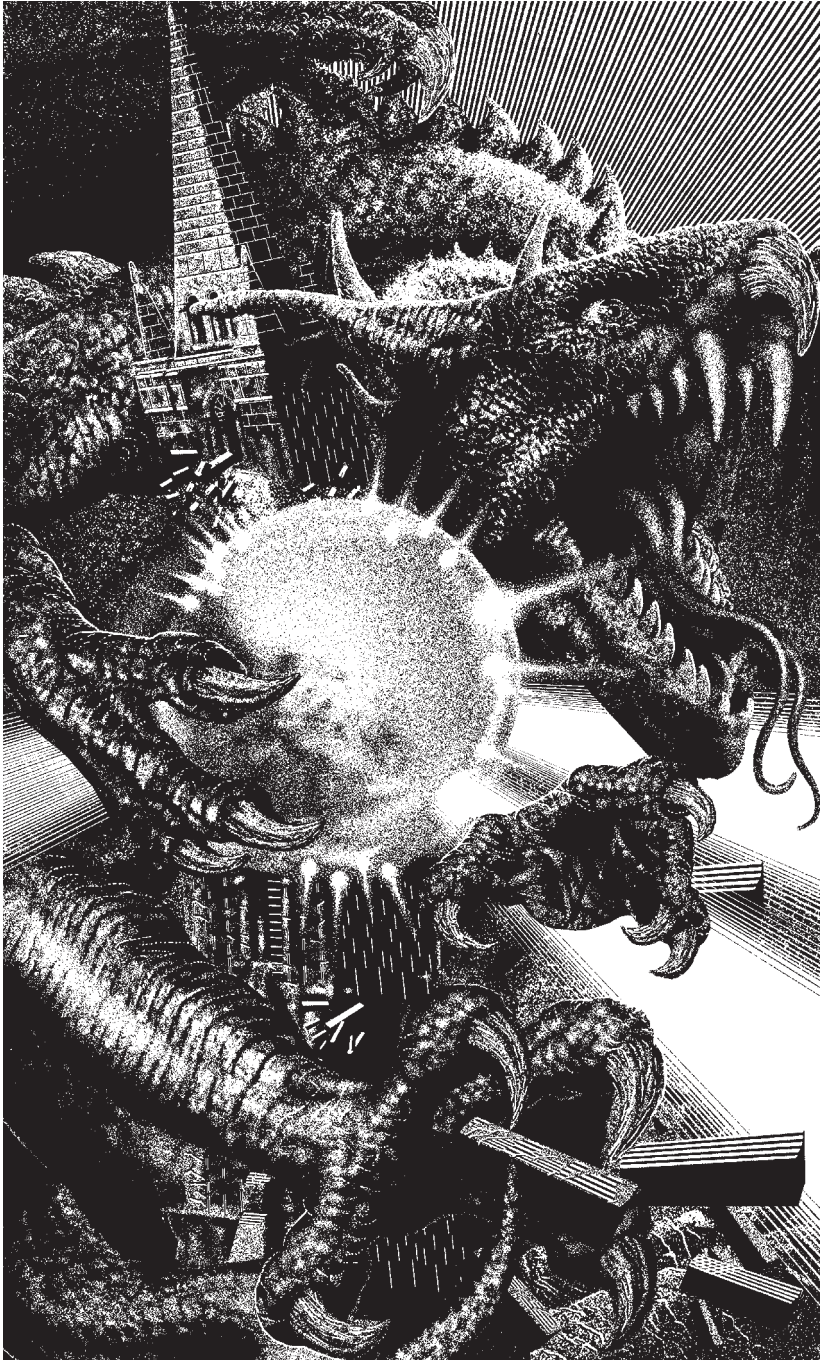
погрузившихся в мрак и хаос, должен прибегнуть, ради их же блага, к последнему средству — к силе.

Они обладают мощью, с которой не может сравниться никто, пусть даже проживший долгую жизнь и впитавший мудрость сотен поколений. Но такая мудрость открывает новые, доселе недоступные пути. Пути к обретению сил, владеющих половиной мира. Или даже большей его частью.

Если на вершине мира стоит колесо, которое в любой миг, лишь подтолкни, покатится вниз, сминая земли и народы, то лишь глупец не задумается над тем, как это колесо там оказалось. Но отличие истинного мудреца состоит в том, чтобы понять: этот вопрос, хотя и занимателен, сейчас не слишком важен. К тому же он имеет очевидный ответ. Куда ценнее его практическое применение — приложить то самое крохотное усилие, которое стронет великое колесо с мертвой точки. После того останется лишь следовать по колею и в конце пожать щедрые плоды.

Да зазмеится Цепь.

• Пепел прошлого •

Кто не помнит прошлого, обречен совершать одни и те же ошибки вновь и вновь. Но кто помнит одно лишь прошлое, обречен жить только им, лишившись и настоящего, и будущего.

Высказывание, по воле Краг-зуда исключенное из родовой памяти заров и преданное забвению

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Третье правило охотника — находишься с подветренной стороны.

Шириш осторожно высунулся из травы по глаза. Приметил все еще спокойного зверя — и впрямь, что тому беспокоиться? — затем внимательно осмотрелся. Трава вокруг него идеально следовала естественному рельефу. Если бы не многолетние охотничьи инстинкты, даже сам Шириш никогда бы не обнаружил лежку любого из своих охотников.

Кирссы вообще славились своим умением затаиваться. Поэтому жертва, ничего не подозревая, теоретически могла подойти к охотнику так близко, что наступила бы ему на хвост. Правда, до этого она обычно успевала получить четыре когтя в глотку.

Второе правило охотника — будь спокоен.

Спокойствие — необычайно важная вещь, даже когда выслеживаешь простую антилопу. А если твоя цель — хищник, всегда есть вероятность, что в последний момент охотник станет добычей. Чтобы этого не произошло, нужно сохранять трезвый ум и каменную невозмутимость.

Тем более что многие хищники, вдыхая воздух, ощущают не только запахи, но и разлитое вокруг напряжение. Особенно такие крупные хищники, как зюры.

Первое правило охотника — всегда знай, ради чего ты охотишься.

Громадное животное по-прежнему не проявляло признаков волнения. Впрочем, тотемный зверь очень хитер и может обмануть даже умного и опытного охотника. Шириш решил не мучиться бесплодными размышлениями и осторожно пополз вперед.

Две сажени до установленного предела. Одна. Готово. Шириш, поколебавшись мгновение, взмывкнул и одним прыжком поднялся над травой. Зюр, внезапно обнаружив рядом с со-

бой кирсса, тоже вскочил, сразу оказавшись вдвое выше немаленького охотника.

Ширш усилием воли изгнал из разума неуверенность. Ошибки ведь быть не может. Перед ним зюр, огромный степной кот с мощными передними лапами и холкой, задранной горбом, с полосой серебристой шерсти вдоль хребта. Тотемный зверь.

Прошла ранняя весна, когда Степь на два десятка дней превращалась в сокровищницу, полную драгоценных трав, сияющих всеми мыслимыми и немыслимыми цветами бутонов и лепестков. Засеребрился ковыль, сколько хватало глаз, и стада, спустившиеся после зимы с Черных гор, начали нагуливать мясо.

Делить первый достойный охотничий трофей с тотемным зверем — значит оскорбить могучего зюра. Но найти, посмотреть друг другу в глаза, воссоединить память предков с жизнью рода потомков после долгой весны — святое, оставленное пращурами дело.

То, что сам Ширш впервые пришел говорить с тотемным зверем, не должно волновать никого.

Большой нос втянул воздух, напоказ сморщился. Его обладатель осторожно переступил лапами, на шагок приблизившись к своему меньшему брату, Ширшу.

Весь кошачий род Степи, в той или иной степени наделенный разумом, — братья друг другу.

Зюр, судя по реакции, думал о том же самом. На обычной охоте от кирсса уже не осталось бы и мокрого места — громадные когти зюров не уступали по остроте его же клыкам, и весь этот арсенал дополнялся неожиданной для такого большого зверя скоростью и реакцией. Но на тотемного зверя никто не охотится всерьез, нужно лишь подобраться к нему на двадцать сажений, доказав свою скрытность. Главное умение настоящего кирсса.

Зверь осмотрел молодого вождя с лап до кончиков ушей, задержался взглядом на амулете, необходимом для весеннего обряда — с виду простом камне с естественным отверстием на кожаном шнурке, — и окончательно принял кирсса как своего.

Теперь будет испытание духа. Воля против воли, взгляд против взгляда.

Ширш не знал, каково это будет на деле. Раньше, когда он был охотником при вожде и чутко лежал в траве, пока шел разговор с тотемным зверем, это напоминало ему простую игру в гляделки. Но век кирссов недолог, и теперь уже сам Ширш стоит против громадного зверя. Как жаль, что старик не рассказал ему, что де-

лать. Специально не рассказал, лишь улыбнулся: «Слушай свое сердце».

Зюр наградил вождя взглядом исподлобья, характерным для всех кошек самых разных цветов и размеров. Этот взор словно проникал в душу, заставляя свою жертву судорожно вспоминать, чем же она провинилась перед данной кошкой.

Ширш, не удержавшись от легкого мысленного смешка, чуть наклонил голову, наградив тотемного зверя точно таким же взглядом. После чего с некоторой опаской принялся ждать, что же ему подскажет его сердце.

Жаль, ему никогда не суждено было этого дожидаться.

Глаза зюра внезапно полыхнули внутренним пламенем, и он, расставив когти смертоносными серпами, прыгнул, как показалось юному вождю, прямо на него.

Первой мыслью, посетившей Ширша, было, разумеется, внезапное и продирающее морозом осознание своей вины. Неважно, что разум не может придумать случившемуся никакого логичного объяснения, — что-то пошло не так, а значит, виноват в этом он, вождь.

Однако же инстинкты лучшего охотника племени оставались при кирссе, и поэтому он мгновенно определил, что громадный кот на самом деле нацелился ровно за дюжину локтей за его спиной. На вождя настоящей волной накатило облегчение, которое, однако, не отменяло одного простого факта — спокойно стоять на линии броска охотящегося зюра стоит только самоубийцам.

Резко перекатившись через плечо, Ширш ушел вправо, в кувирке развернулся кругом и тут же вскочил на лапы, желая узнать, что же в самом деле произошло.

Зюр, распластавшись в застывшем прыжке, тянулся когтями к новому врагу. Которого — вождь кирссов был готов поклясться — еще несколько мгновений назад рядом не было. Ни он сам, ни его охотники не подпустили бы чужака так близко — даже таящегося в тени чар.

То, что пришелец враг, было очевидно: тотемный зверь знает, кто друг его братьям, и не станет нападать на него. Зверь — воплощение духов всех предков, и предки не ошибаются.

Но иногда проигрывают. Зюр, закогтив добычу, замер и не сразу понял, что враг все еще жив. Более того, низко опущенный капюшон неторопливо поворачивался из стороны в сторону, словно то, что таилось внутри темного балахона, озиралось по сторонам. Вокруг пришельца потрескивал едва видный шар магической защиты, который и остановил атаку степного кота.

Ширш и оба его охотника, не раздумывая ни секунды, бросились на выручку хранителю племени. Фигура в балахоне, словно придя к некоему решению, скупно взмахнула рукой, и воздух, раскалившись, начал свиваться в тугие огненные нити. В воздухе рядом возникло два кокона, разросшихся в мгновение ока, и оттуда на киррсов бросилась пара странных зверей. Обсидианово-черные, с выпирающими под кожей костями, длинными пастями, полными острых даже на вид клыков, они носили ошейники (непонятно зачем, ибо на каждом гремел лишь обрывок цепи) и двигались неожиданно быстро для тварей, имеющих в холке добрых полсажени.

Краем глаза Ширш увидел, как один из его охотников метнул костяной нож, вошедший точно под челюсть ближайшей охотничьей бестии, но та лишь рыкнула, потряхнула башкой и прыгнула вперед, подминая киррса под себя. Незаметно было, чтобы лезвие, пробившее глотку насквозь и показавшееся среди острых позвонков, хоть сколько-то ей мешало. Да хриши та маран, из чего же они сделаны?!

Второй охотник взял на себя другую бестию, а сам Ширш, по праву сильнейшего, нацелился на пришельца. Тот же, выпустив своих зверей, явно решил, что дело сделано, поглядел на все еще пытающегося прорвать щит зюра и издевательски медленно, даже с какой-то ленцой поднял посох. Ширш, выхватывая из-за спины копые, на бегу примерился, отвел лапу для замаха...

И не успел. С набалдашника магической палки, полыхнувшего жирной, угольной чернотой, сорвался луч, похожий скорее на струю смолы, и без видимых усилий пробил тело тотемного зверя насквозь. С тяжким хрипом зюр отпрянул, вставая на задние лапы, и рухнул набок.

Ширш едва не остановился, раздавленный неожиданным страхом и отчаянием от только что произошедшего святотатства. Но в тот же миг камень-амулет, настроенный на тотемного зверя, горячо толкнулся в грудь. Зюр еще жив, ему можно помочь! Киррсс, крепче перехватив копые, воззвал к предкам и прыгнул.

Пришелец оказался достаточно осторожным, чтобы не снять магическую защиту немедленно, но ему это не помогло. Киррсы-воины, даже не умеющие чаровать самостоятельно, никогда не ленились взять с собой пару-другую амулетов. Что уж говорить о вожде, которому главная честь и главные напасти. На отворотах кожаной безрукавки он рядками носил зачарованные самим верховным шаманом клыки, сохраняющие силу предков. Они могли даровать своему владельцу способность прыгнуть втрое дальше

или пробежать по Степи наравне с быстрым гепардом, а могли, как сейчас, поглотить урон. Пролетая через щит, Ширш мельком отметил, что целый ряд клыков слева вспыхнул и распался огневеющим пеплом, но дело было сделано: юркие змейки-молнии не ухватили законную добычу. Фигура в балахоне молниеносно развернулась, только подтвердив худшие опасения кирсса: лишь у настоящих боевых магов могло хватить реакции, чтобы встретить атакующего степного кота. Но на такой дистанции это было уже бесполезно.

Из рукава балахона вырвался сноп черных лучей, пронзая воздух там, где уже никого не было, а сам Ширш, резко уйдя вниз и почти прижавшись к земле, подобрался совсем вплотную и, распрямляясь всем телом, ударил копьём, метя под челюсть. Конечно, маги не расстаются с личной защитой, но копьё, доставшееся кирссу от предков, пробивало и не такие черепа. Кожаные ремешки с болтающимися на концах косточками могли показаться безделушками — с ними еще любили играть совсем маленькие котята. Ширш, усмехаясь, не препятствовал. Предки, чьи кости были вплетены в эти ремешки, не нанесут вреда своим же потомкам. Зато если потомкам потребуется помощь...

Дедово копьё, передавшееся к сыну, а потом и к внуку, нашло свою цель. Удар был такой мощи, словно копьё держало разом три лапы всех его обладателей, мага аж вздернуло, а потом время вдруг снова потекло с нормальной скоростью.

Две черные твари, горестно взыв, встали на дыбы и развеялись в прах. Один охотник был жестоко помятнан, второму bestия успела впиться в глотку, и Ширшу хватило одного взгляда, чтобы понять итог. Сам он со всех лап бросился к зюру, который еще был жив. Но камень пульсировал все слабее.

По телу громадного кота шли редкие судороги. Было совершенно очевидно, что долго ему не протянуть — могла бы помочь только магия, но до шамана было полдня пути в обе стороны. А зюр доживал последние минуты. Большие глаза, уже затуманенные болью, уперлись в Ширша. Вождь внезапно почувствовал легкое, почти невесомое касание чужого сознания и вдруг ощутил, как вниз по меху от глаз побежали две мокрые дорожки. Зюр негромко и жалобно, словно котенок, мяукнул, последний раз дернулся и затих.

Ширш почувствовал на груди какое-то движение, поднял амулет на уровень глаз. Камень замерцал не сразу, словно раздумывал. И был он не успокаивающе желтым, а тревожно алым. Слов-

но внутри метался крохотный огонек, иногда подлетая к стенкам и стараясь прорваться наружу.

Конечно, цвет был пугающим. Но то, что камень все-таки светился, означало, что связь с предками не утеряна. Вождь поднялся, одновременно словно ненароком проводя лапой по щекам, и повернулся к выжившему охотнику. Следовало как можно быстрее вернуться к племени, чтобы поговорить с шаманом. Но сначала...

Мертвый колдун мешком тряпья лежал в траве, укрытый собственным балахоном. Посох, стиснутый в предсмертной судороге, потерял магическую ауру и превратился просто в отполированную палку с камнем в набалдашнике. Кирсс, пособив товарищу с перевязкой, подошел поближе и осторожно (а то кто знает этих магов, раньше они любили вешать на себя посмертные «сюрпризы») концом копы откинул кашшон.

Ширш родился уже после Войны, да его племя в ней и не участвовало, так что о тех событиях знал только из рассказов самых старых заров. Но гладкая морда безо всяких следов шерсти, кроме двух клочков над глазами, острый, выдающийся вперед нос, небольшая пасть, под тонкой шкурой которой не проглядываются мощные клыки, не оставляли сомнений.

Человек! Вот почему стойка фигуры под мешковатым балахоном показалась кирссу такой странной!

Хрриш! Откуда он тут взялся?! И нет ли поблизости других?!

Впрочем, и этот-то появился буквально из ниоткуда. Ширш осмотрел траву вокруг, особо отметив странный круг слегка опаленных стеблей, и наклонился к своей жертве, чтобы поглядеть, не осталось ли чего-нибудь ценного.

Как ни странно, погибший маг не носил никаких амулетов, кроме своего посоха, который все равно был бесполезен любому, кроме бывшего хозяина. Но вот это ожерелье... Оно удивляло. Хотя бы тем, что, строго говоря, ожерельем это было назвать трудно.

Вокруг шеи колдуна обвивался, низко свешиваясь концами на грудь, кусок грубой цепи из непонятного черного металла. Ширш осторожно тронул одно звено, не почувствовал ничего особенного и, осмелев, стянул трофей целиком. Никакой магии в этой штуке не чувствовалось, но шаман скажет это наверняка.

Тело пришельца бросили в Степи, на поругание ветрам и стервятникам, погибшего охотника аккуратно привязали поперек седла его ездового кота и как можно быстрее двинулись обратно. Инстинкт никогда не подводил Ширша, и сейчас вождь был твердо

уверен, что грядет нечто, по меньшей мере, непонятное. И почти наверняка опасное.

Тотемный зверь, случалось, погибал на охоте, или от засухи, или вконец одряхлев, но еще никогда от чьей-то лапы.

В племени готовились к большому весеннему празднеству. Неугомонные мальчишки, как всегда, высматривали охотников издалека, отойдя от становища чуть ли не на полверсты, а заметив наконец три силуэта, со всех лап бросились обратно — сообщать радостную весть. Ни у кого из них не хватило терпения взглянуться пристальней и приметить, что один из них ниже других. Ширш был бы этому только рад — незачем соплеменникам волноваться раньше времени.

Торжественного возвращения все-таки не получилось. Толпа, поначалу настроенная весьма празднично, быстро затихла, увидев одного охотника мертвым, другого раненым, а самого вождя — непривычно мрачным. На груди у Ширша, выставленный на всеобщее обозрение, висел кроваво-красный амулет.

Велев позаботиться об охотниках, вождь, не говоря больше ни слова, двинулся напрямиком в шатер шамана.

Старый кирсс, говорящий с духами племени, сидел в обычном полумраке и задумчиво глядел в небольшой костер. Столб дыма, которого от костра было привычно больше, чем света, поднимался вверх, но не вытягивался наружу, как оно обычно бывало, а заводил причудливые хороводы. Только шаман и мог читать подобные знаки. Шаман и его ученик, которого глаз скорее угадывал, чем действительно видел вблизи одной из стен шатра, где темнота становилась уже совсем непроглядной.

Ширш, не медля, прошел к кострищу и сел напротив хозяина шатра, так же скрестив лапы.

— Мурен, мне нужен твой совет. Племени нужен твой совет.

— Племени? Что случилось?

— Тотемный зверь убит. — Ширш слегка сощурился, пытаясь увидеть выражение морды шамана. Ученик почти неслышно втянул в себя воздух сквозь зубы. — Я отомстил за него пришельцу из рода людей. Это был колдун, сильный колдун, но все, что было при нем, — палка, тряпка и вот это. — Вождь вытянул из-за спины обрывок черной цепи и перебросил ее через костер.

Мурен одним движением, почти незаметным в полутьме, ухватил цепь за оба конца и неторопливо перебрал звено за звеном. Затем едва слышно вздохнул и бросил трофеей обратно.

— Это твоя добыча, вождь, носи ее смело. Сила павшего врага перейдет к тебе.

— Ты слышал, что я сказал? Тотемный зверь убит.

Говорящий с духами прикрыл глаза:

— Я знал это. Знал, что знаки не могут лгать, и боялся, что они говорят правду. — Шаман понурился. — Но не будь нетерпелив, вождь. Старый предводитель выбрал тебя во многом из-за того, что ты всегда умеешь мыслить здраво.

Шириш прикусил язык. Причины, по которым вожаком становился тот, а не иной родич, никогда прежде не озвучивались, и, значит, шаман тоже был крайне обеспокоен.

Мурен выждал мгновение и продолжил:

— Ты верно рассудил, что дух тотемного зверя живет и ждет нового воплощения. Мы должны найти ему новое пристанище, и как можно скорее. Но быть может, это не самое важное.

Шириш резко наклонился вперед:

— Что грядет, старик? Ты говоришь с духами, но я в ответе за живых, я должен это знать!

— Не могу сказать тебе ясно. Но знаки, — шаман неопределенным жестом повел лапой в воздухе, а затем указал на земляной пол, — знаки говорят, что случившееся сегодня — лишь малое зернышко ковыля. Дай мне время, вождь. Я изучу их снова, я раскину новые знаки — и отвечу тебе.

Шириш проследил за указующими жестами шамана и с должным почтением воззрелся на сложный узор на полу. Камешки, редчайшие ребристые косточки тварей, живущих в большой солевой воде, кости предков и врагов — все это, разбрасываемое лапой говорящего с духами, рисовало картины будущего. Иногда более, иногда менее ясно.

Шаман с намеком проговорил:

— Думаю, тебе все равно нет смысла пытаться меня в поисках ответа. К тебе гости, вождь. Важные гости. Удели им свое время, а мне отдай мое. И тогда ты получишь ответ.

Услышанное не сильно проясняло ситуацию, но Шириш отлично знал, что, если шаман не хочет продолжать разговор, лучше не усердствовать и обождать, какой бы важной ни была тема беседы. Однако кое-что следовало прояснить немедленно, да и к тому же вождь не мог удержаться от маленькой мести за свое неведение. Поэтому он, старательно сдерживая ухмылку, почти безразлично поинтересовался:

— Но что мне сказать нашему племени?

Мурен, прищурившись, глянул на собеседника в упор:

— Не торопи события. Скажи, что тотемный зверь убит пришельцем, но не говори, кто это был. Веди речь так, чтобы в происшедшем не чувствовалось какой-либо тайны — родовичи же простые кирссы, у них нет нашей с тобой мудрости и спокойствия. Незачем раньше времени будоражить их загадками. — Старый кирсс глянул вниз, на знаки, и вздохнул. — Придет время, и, возможно, их куда сильнее взбудоражат простые, но страшные истины.

Вождь наградил шамана долгим взглядом, потом молча кивнул и вышел. После полутьмы, царившей в шатре, неяркий пасмурный день заставил кирсса недовольно зашипеть и зажмуриться, давая глазам привыкнуть к свету. Слегка приоткрыв веки, вождь увидел обеспокоенную толпу, как по волшебству перебравшуюся к шатру говорящего с духами. Вождь уже почти придумал, что сказать своим соплеменникам, когда его глаз выхватил из толпы кирссов осторожно пробивающегося вперед сокольного, птицы которого приносили все вести. Обрадовавшись возможности немного оттянуть объяснение, Ширш спросил кирсса, что же случилось.

— Вождь, прибыл вестник от Краг-зула из племени заров. Он хочет видеть тебя, вождь. Как можно скорее.

Ширш кивком поблагодарил сокольного, затем перевел взор на толпу, которая совсем затихла. Потом, убедившись, что все внимание приковано к нему, заговорил.

— Слушайте меня, все кирссы. Тем, кого здесь сейчас нет, вы скажете все сами — время сейчас дорого. Тотемный зверь убит бою пришельцем. — По толпе пронесся мгновенный ропот, тут же погасший, стоило только Ширшу вскинуть лапу с намотанной на кулак черной цепью. — Убийца нашел свою судьбу на острие моего копья. Дух нашего зверя живет здесь, в этом камне, — и в сердце каждого кирсса. Я говорил с шаманом, и он уже ищет новое пристанище для нашего тотемного зверя. Пока же я должен отбыть, чтобы поговорить со своим братом-вождем Краг-зулом. Да хранят нас предки!

Кирссы-кошатники успели вычесать и напоить ездового кота вождя за то краткое время, пока его хозяин был в становище, но путь предстоял неблизкий, а времени было мало. Кирсс потрепал зверя по ушам и оставил его отдыхать после бешеной утренней скачки. Кот, конечно, смотрел на хозяина большими обиженными глазами, но они оба знали, что в итоге так будет лучше. Так что Ширш взял себе другого зверя, выносливого и свежего, и пару охотников для должного сопровождения. Раненный черной тварью кирсс тоже остался в становище набираться сил.

А затем, не теряя зря времени, вождь направился в сторону Черных гор, в ту часть Степи, где кочевали племена заров.

В Степь зары ушли только после проигранной ими Войны. Память их предков была связана с далекими нынче северными Лугами за Великой Стеной. Но в отличие от ящеров кочевые племена кирссов из Лугов *возвращались*. Когда-то давно многие, многие роды ушли на юг, на вечнозеленые травы, сохранив память о своих степных сородичах лишь в сказаниях шаманов, хранителей памяти.

Уходили же они все, ища спасения от людей. Странные твари, те самые, с тонкими шкурами и без шерсти или чешуи, люди появились с юга, прорвавшись через стену великих непролазных лесов.

Кто уж начал Войну, Шириш не знал, с момента ее окончания у кирссов сменилось шесть поколений, да и его собственный род никогда не покидал обетованную Степь. Однако выиграли ее чужаки. Многие из них носили две шкуры — не для того, чтобы выделить свой статус, как вождь кирссов, с этой целью единственный облаченный в безрукавку. Эти вторые шкуры, тонкие, прочные, как камень, и поразительно блестящие, служили людям броней — и отлично служили. Но зато человек в такой шкуре был тяжел, медлителен и неповоротлив — казалось бы, отличная цель для охотников и разведчиков.

Но люди владели магией. Маги обладали самыми разными силами, с легкостью повелевая мощью природы, хотя память духов, сила предков была им недоступна. И поначалу шаманы сражались с ними на равных, чуть ли не превосходя. И не о них вспоминали говорящие с духами, когда крепче стискивали свои посохи или перепроверяли амулеты.

Были среди повелителей магии восемь чудовищ, люди звали их древними магами. И это воистину были зюры среди степных сурков. Один из них в решающей схватке в одиночку одолел тотемного зверя заров — великого и могучего дракона. Вся мощь громадного летучего змея, вся сила, вся гордость, надежно защищавшая его от магии, — все это оказалось ничем против страшного чародея. Верховный шаман заров, сражавшийся вместе с тотемным зверем, тоже пал в бою.

И из поколения в поколение шаманы передавали имя этой ужасающей твари — Радимир Оцелот.

Но и этого было мало, на помощь людям пришли карлики из Дырявых гор. Если Черные горы мрачно вздымались на востоке, то Дырявые высились на западе, и люди невесть когда умудри-

лись договориться с их обитателями, добившись еще и численно-го преимущества.

После того великого сражения Война пошла на убыль — кирсы и зары, осознав свое неизбежное поражение, пожертвовали своей гордостью и решили спасти свои жизни. Так что они двинулись на север и сокрылись в Степи. Некоторые роды, желая отгородиться от людей как можно лучше, даже обогнули Преграду — громадный разлом, что ограничивал притязания людей на востоке. Скалы этого рубежа внизу подмывали волны большой соленой воды, и за ней племена наконец-то ощутили себя в безопасности.

Люди, видимо удовлетворившись, остановились. Некоторое время зары, горя жаждой мести, совершали набеги, но затем гладкокожие, положив немало лет, пота и даже крови, отгородились от Степи цепью укреплений, дабы защитить свою страну с севера, и вцепились в рубеж железными челюстями. Впрочем, они все делали именно так — и заслуживали хоть некоторого, пусть и невольного уважения как могучие враги.

Зары жили куда дольше кирссов, поэтому и ныне, через шесть дюжин лет после Войны, во главе их племени стоял Краг-зул, который уже держал клинок в последней, самой страшной битве с людьми. Зары помнили все, чем «наградили» их люди, и жили, храня эту память, жили, мечтая однажды вернуться на земли своих предков. Их память была дольше, и именно поэтому роду кирссов они считались старшими братьями.

Память же самих кирссов оказалась настолько слаба, что, вернувшись, они были изумлены, узнав, что степные кирссы существовали на самом деле. И что все это время они хранили дух предков всего своего рода. Все восприняли как данность, что именно Обретенные (так начали звать кирссов, не покидавших степных земель своих пращуров) стали главным из всех племен. Ширш родился именно здесь через пять дюжин лет после горького конца Войны. И, будучи вождем главного племени, имел право говорить от всего рода кирссов.

И сейчас он думал, что прибытие именно к нему вестника от Краг-зула, старейшего предводителя всех заров, вряд ли было простой случайностью. Слишком много непонятных вещей произошло в Степи всего лишь за день, и еще многое должно было произойти. Видимо, у старших братьев тоже случилось нечто, по меньшей мере, странное, и они захотели обсудить это с кирссами.

Охотились прямо в пути, чтобы не терять времени. Сам Ширш подбил ножами стайку вспугнутых куропаток, а затем прямо на

троицу путников вынеслась молодая и шалая антилопа. Подросшие звери, приходившие с Черных гор, легко отбивались от стада, бродя по Степи парами или в одиночку, и ничего не знали об охотниках, часто дуrom вылетая прямо на них. Кирссы, впрочем, не жаловались.

Вместо трех привычных привалов из-за спешки пришлось довольствоваться двумя — кратким дневным и ночным. Ездовые коты, как и сами кирссы, двигались быстро, но надолго их не хватало, приходилось останавливаться и подкреплять силы.

К полудню второго дня, когда впереди замаячили столбы дыма, а затем и проступили шатры диковинной зеленой раскраски, напряжение пути порядком утомило всех троих. Ширш, однако, приподнялся в седле, повел плечами, потягиваясь, и усилием воли сбросил дремоту. Предстояла важная встреча.

Становище заров по своему расположению отличалось от кирссового лишь одним — неподалеку всегда виднелись костяные, усаженные внушительными шипами холмы кормящихся или спящих после кормежки аптаров. Зары издавна приручали этих громадных ящеров, крайне полезных и при мирном кочевье, и в набеге. В бою на одного аптара забиралось до нескольких дюжин заров, чтобы со спины громадного зверя безнаказанно стрелять по врагам. Ну а могучая костяная броня позволяла аптару ломиться вперед живым тараном, разметая повозки, серьезные укрепления или отряды людей, которые любили сражаться плотным строем, столь непривычным для жителей Степи.

Как обычно, вездесущие подростки, которых хватало и у спокойных, медлительных заров, отлично справлялись с задачей добровольных дозорных, поэтому троицу кирссов встречала небольшая стайка любопытных (по дневному времени основное население племени было занято обыденными хлопотами), держащихся в почтительном отдалении от своего вождя.

Краг-зул, не дожидаясь вести от дозорных, сам вышел из шатра. Быть может, кто-то успел тайком сообщить ему о прибытии Ширша, но сам кирсс держался иного мнения. Старый зар был не только вождем, но и сам говорил с духами племени.

Его великий возраст был виден сразу — чешуя, зеленая и гибкая у молодых заров, коричневая у бывалых, у Краг-зула была белой, топорщащейся и слегка шелестящей при каждом движении. Но впечатления ожившей древности, с которой осыпается пыль, вождь заров не производил точно, даже на свой резной посох он опирался скорее для виду. Вторую же лапу ящер поднял и обра-

тил к гостям развернутой ладонью. Только вождь способен на подобное, не боясь за чистоту зеркала своей души.

Ширш молча ответил тем же. Ведь беседу положено начинать хозяину, чтобы гость не терялся в догадках, как же себя следует вести.

— Приветс-ствую вас-с, кирсс-сы. Не бес-спокойтес-сь о с-своих зверях, мы будем рады помочь гос-стям. — Краг-зул повел пальцами в воздухе, и от толпы сразу отделилось несколько заров, принявших ездовых котов. Сам старый вождь обратил взгляд прямо на Ширша. — Юный вождь, и твоим охотникам мы окажем должное уважение, пус-сть даже наша с тобой бес-седа будет недолгой. Ты же прис-соединис-сь ко мне в моем шатре — время немилос-стиво к нам, а обс-судить нужно многое.

Ширш, кивнув, отдал поводья подбежавшему зару и пошел вслед за Краг-зулом. И впрямь тот носил посох скорее как принадлежность сана, ничуть в нем не нуждаясь. Молодому кирссу пришлось приложить даже некоторое усилие, чтобы догнать вождя.

Шатер Краг-зула мало чем, кроме размеров, отличался от обычного жилища шамана. Костерок посередине выложенного камнями круга точно так же чадил густым таинственным дымом, и пол так же был покрыт сложным узором гадательных камней, костей и перьев.

Зар подождал, пока гость устроится, и начал внутреннюю, для приглашенных в шатер, беседу:

— И с-снова привет тебе, Ширш, вождь Обретенных, говорящий от вс-сего рода кирсс-сов. Благополучно ли обс-стоят дела в твоём племени? Не хочешь ли ты поведать мне какую-нибудь новос-сть?

Учтивый гость должен был поприветствовать хозяина и вернуть ему слово, давая высказаться первым, но кирсс небезосновательно считал ситуацию исключительной.

— Привет тебе, Краг-зул, вождь заров, говорящий от всего своего рода — как живых, так и ушедших. Да простят мне предки подобный поступок, но я буду говорить.

Глаза старого зара чуть заметно сузились. Ширш выпутал шнурок с алым мерцающим камнем и вытащил его на свет из-под дорожной накидки. — Наш тотемный зверь пал от лапы пришельца. Это был черный колдун, умеющий призывать странных тварей, которые загрызли одного из моих охотников, прежде чем я достал самого мага. У него на шее был обрывок цепи, похожий на те, что носили его бестии, — теперь это мой трофей. И еще. Я слы-

шал лишь легенды о Войне, но вряд ли я ошибся. Этот пришелец был человеком. Краг-зул, я юн по меркам заров, но думаю, что прибытие твоего вестника именно в такое время — это не просто совпадение.

Кирсс умолк, взглянув на своего собеседника. По глазам зара невозможно было что-то понять, он сидел, задумчиво пощипывая подбородок, и смотрел в какую-то невообразимую даль. А затем на его морде внезапно появилась легкая улыбка.

— Что ж, юный вождь, мое с-сердце радуется, что наших братьев в нынешнее темное время ведет мудрый кирсс-с. Я с-скорблю вместе с тобой о с-судьбе зверя, что хранил дух вашего племени... Да, нынешнее темное время... Ведь ты уже говорил с шаманом с-своего племени. С-среди заров, как ты знаешь и видишь, вождь Ширш, я с-сам говорю с духами. Наши предки дали нам нас-ставление.

Кирсс подался было вперед, но вспомнил о сдержанности и не промолвил ни слова. Краг-зул тоже никак не выдал того, что удовлетворен спокойствием собеседника. В конце концов, кирссы сильны и своим умом, и если они решили, что этот юный кот будет достойным вождем, — не зару их судить.

— Выйдем, вождь Ширш. Я передам тебе с-слова наших предков.

Кирсс, наученный горьким опытом, сузил веки до щелочек, выходя на яркий солнечный свет. Впрочем, снаружи царил неожиданный полумрак, и Ширш сначала приоткрыл глаза, а затем и вообще изумленно распахнул их во всю ширь.

Громадный ящер, занимавший собой практически все пространство перед шатром Краг-зула, расправил многосаженные крылья, изогнул шею и выпустил в небо приветственную струю пламени. По крайней мере, Ширшу хотелось верить, что это было приветствием.

Во взгляде старого вождя, обращенном на громадного зверя, была сложная смесь восхищения и благоволения — и даже стоявший рядом кирсс понимал почему. Сейчас перед ним красовался тотемный зверь заров. Великий дракон, повелитель небес, создание, равных которому нет на целом свете.

Краг-зул, лишь через несколько мгновений вспомнив о своем собеседнике, промолвил:

— Вот — воля наших предков. Наш тотемный зверь спустился к нам с небес-с на могучих крыльях, возвещая начало великого возвращения. Земли наших предков, лежащие за Великой С-стеной и с-стонущие под лапами людей, зовут с-своих детей. Людей

с-снедает алчнос-сть. Недолго же они радовались с-своей победе в Войне. Им мало Лугов — они пришли и в С-степь. Да, вождь, мы тоже с-сталкивались с черными колдунами, и ты воис-стину великий воин, если с-сумел одолеть кого-то из них в одиночку. Если мы ос-станемс-ся здес-сь, то окажемся под ударами их длинных лап, но с-сердце, черное с-сердце, укрытое в людс-ских землях, будет нам недос-ступно. Но если мы пос-следуем с-совету предков и вернемс-ся на наши древние земли, вернемс-ся, чтобы раз и навсегда раздавить их проклятое с-семя, — мы избежем той учас-сти, что уготовили нам наши враги, и поразим их с-сами.

Кирсс безмолвствовал. Краг-зул выждал немного, давая ему подумать, и продолжал:

— Вождь Ширш, я понимаю, что значит для вас-с, Обретенных, покидать свою С-степь — ведь земли ваших предков лежат здес-сь. Но ты, вождь, держишь ответ за жизнь всего с-своего рода — и как вы с-сможете удержать людей в одиночку? Мы уже пос-слали вес-стников к с-своим племенам, и ты наверняка вс-стретишь кого-нибудь из них, когда будешь возвращаться. Зары уходят. Это с-слишком важно для вас, кирсс-сов, чтобы решить подобное без говорящего с духами, но предки открыли мне, что он будет не против. Если ты запомнишь мои с-слова и с-скажешь их с-сам, ты с-спас-сешь свой род. Если кирсс-сы останутся в С-степи, они погибнут. И мы, боюс-сь, тоже. Наших с-сил может не хватить, чтобы с-справиться с людьми. Да, они уже давно ни с кем не воевали, но недооценивать их глупо.

Ширш глянул на вождя заров в упор, решившись высказать свои мысли напрямую:

— Краг-зул, кирссы мало что помнят о древней войне. Но даже мы слышали, кто такие древние маги.

Старый зар, едва услышав последние слова Ширша, разом преобразился — в глазах вскипело пламя, чешуя встопорщилась, из горла вырвалось шипение, полное тщательно сдерживаемой ярости. А потом Краг-зул внезапно рассмеялся:

— Они не вечны, вождь. Древних магов больше нет. С-семеро из них сгнули уже давно, сразу, лишь только закончилас-сь древняя война. Оцелота тоже давно не видели в землях людей — мы имеем глаза, чтобы видеть разные мес-ста. Быть может, он и появится во плоти, но нам есть чем ответить. — Зар любовно огладил пальцами древко своего посоха. — Мы готовились к этому дню вс-се то время, пока жили в этой С-степи. И с-сейчас-с люди первыми пришли в наш новый дом. И предки явили нам с-свою волю, явив могучего дракона. С-судьба нашего тотемного зверя куда

сложнее вашей, дух нашего племени долгие годы не имел воплощения, а с-сейчас он рветс-ся в бой. Вождь, я не требую твоего ответа с-сейчас-с, но надеюс-сь, что, подумав, ты выберешь верный путь.

Кирсс, словно уже придя к какому-то выводу, мгновенно вскинул голову:

— Да, вождь Краг-зул, боюсь, сейчас я не смогу ни обнадежить тебя, ни разочаровать. Моя речь была бы слишком поспешной, но я теперь же отправлюсь обратно, чтобы поговорить с нашим шаманом. И я передам ему все твои слова.

— Это лучшее, на что я мог надеятьс-ся с-сейчас-с, вождь Ширш. Да будет так.

Старый зар церемонно наклонил голову, кирсс отрывисто вернул прощальный кивок и направился туда, куда ушли его охотники.

Видя взгляд своего вождя, кирссы сочли за лучшее не беспокоить его лишними расспросами, разумно решив, что он сам все расскажет, когда захочет. В том, что это произойдет, никто не сомневался, вождь действительно считал всех кирссов своими братьями, а не только попусту трепал это слово в обращениях к племени.

За всю дорогу Ширш не проронил ни слова, погруженный в свои размышления. Охотники, чей взгляд на мир был достаточно простым, понимали, что во время беседы с вождем заров случилось что-то действительно важное (и, кроме того, во всем становище не было того, кто не заметил дракона), но особо над этим не раздумывали. Ведь есть вождь, который все решит во благо племени, а простым кирссам надо лишь исполнять его волю.

Становище Обретенных было все таким же, как и четыре дня назад. Ширш украдкой вздохнул с облегчением: кто знает, что могло бы случиться в его отсутствие. Сейчас Степь более не казалась безопасным домом. Проклятые люди...

Родовичи, уже наученные опытом последних дней, не лезли с расспросами, а почтительно наблюдали издалека, как вождь передал поводья ездового кота и, не теряя ни секунды, скрылся в шатре шамана.

Внутри словно бы ничего не изменилось — Мурен по-прежнему сидел в полумраке, следя за входом из-под полуопущенных век, его ученик тоже будто не двигался с места у стенки. Разве что знаки лежали иначе — кто-либо другой, быть может, и не заметил бы, но только не вождь, самый лучший, самый сметливый охотник племени.

- Маска
священной лжи •

Традиции хороши лишь тогда, когда есть понимание, как использовать их в своих интересах. Иначе, размахнувшись ловчей петлей обычаев, можно затянуть ее на собственной шее.

*Концепция идеологии Штройн,
краткое издание, т. 3, стр. 759*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

По всем пределам Империи и Армон-Дарона неслись вести одна другой поразительней. Долтар был чудом спасен от нападения орды кирссов, и от него походные полки пошли к Каменному Кулаку, где дали бой армиям бестий — и победили! Трудно было даже поверить, что вторгшиеся в Аленор и даже напавшие на Мирбург твари будут уничтожены так быстро, а главное, не такой уж большой ценой.

Потому что в Империю вернулся Оцелот.

В расположение соединенных армий эти новости прилетели на крыльях облаков, что вели безумную пляску в небе. Даже здесь, в двух днях пути от Кулака, воины увидели рухнувшую с небес звезду и ощутили дрожь земли под ногами, боязливо осеняя себя знамением Бога-Солнца.

А их предводители уже собирались на нечто среднее между праздничным обедом и военным советом. Следовало отметить славную победу людей и гномов, объединивших силы перед лицом грозной опасности, — по крайней мере, так гласили официальные приглашения, направленные от имени Императора гномьему правителю. И предстояло также решить, что делать дальше. Основные силы, собранные для уничтожения бестий, оказались фактически не у дел, их продвижение на север задержали вырвавшиеся из Глорнского леса чудовища, а в это время зарам не повезло встретиться с Оцелотом, у которого было настроение немного позабавиться.

Весть о том, что теперь уже Армон-Дарон внезапно оказался под ударом демонов, пришла как раз во время первой перемены блюд. Лица имперцев вытянулись — то ли от самих слов бледного как мел гонца, то ли от вида гномьего Короля, который от неожиданности подавился ложкой и теперь был несколько опечален.

Хозяином приема был Император, но проблемы появились во владениях гномьего правителя, и поэтому все ждали его слова. Король, сунув руку под стол, вытащил из петли свой молот и поднял его так, чтобы он был виден всем. Шатер озарился красным светом, изукрашенное сложной гравировкой и чеканкой оружие рдело, как раскаленный уголь.

— Этот молот зачарован, — пояснил гном, обедая всех тяжелым взглядом из-под кустистых бровей. — Когда Кузня в опасности, он начинает светиться. Чем дело хуже, тем он ярче. — Король с грохотом отодвинул массивное деревянное кресло и поднялся из-за стола. — Я пошел. Надо собирать военный совет.

Совет состоялся в том же самом шатре через полчаса. На столе вместо блюд и подсвечников неторопливо изменялась объемная магическая карта. Ее создатель, маг из Совета Гильдии, стоял рядом с Императором. За другим плечом правителя в задумчивости застыл Хешель. Гномий Король явился во главе совета своих старейшин, каждый из которых щеголял искусно выделанными и богато украшенными мифрильными доспехами, золотой гривной-ожерельем и длинной седой бородой. Правда, у одного борода была заметно короче, и цвет у нее был иссиня-черный, да и сам гном, хотя возраст подгорных жителей трудно определить на глаз, казался достаточно молодым.

Церемонно поприветствовав друг друга, две делегации окружили стол с картой, пока еще негромко обсуждая происходящее, вымеряя расстояния и дни пути.

В шатер, проскользнув между плотно задернутыми занавесями, вошел пятнистый кот, уселся у входа и принялся умываться. Капитан императорской стражи выпученными глазами уставился на животное и быстро огляделся, желая удостовериться, что никто этого не заметил. Никто вроде бы не обратил на неожиданное вторжение внимания. Человек немного успокоился, попутно не без удовольствия подумав, что олухов снаружи за такое разгильдяйство на лоскутки порвет, и занес было ногу, чтобы пинком выкинуть животину прочь, но неожиданно ощутил у себя на плече чью-то руку. А в ухо ему мягко сказали:

— И думать забудь.

Кот, аккуратно перехваченный руками Оцелота и с довольным видом на них обвисший, как бурдюк с вином, замурлыкал. Архимак, уложив зверька на руки и почесывая его за ухом, с чисто кошачьей улыбкой обратился ко всем присутствующим.

— Мой Император. Приветствую вас, благородные кэры и уважаемые старейшины. Прошу прощения за свое опоздание.

Хешелю досталась особенно пронзительная ухмылка, но первосвященник умел владеть собой. Только в его глазах на мгновение промелькнула тень беспокойства — и тут же пропала.

Правитель Империи поприветствовал архимага спокойной улыбкой, очевидно считая появление из воздуха вполне нормальным для волшебников:

— Не стоит извинений, уважаемый Радимир. После всех ваших усилий, направленных на благо нашей страны и наших союзников, меньшее, что мы можем для вас сделать, — это простить незначительное нарушение этикета. Ваша помощь в спасении Долтара и Каменного Кулака воистину неоценима — впрочем, как и обычно. Недаром говорят, что Оцелот появляется тогда, когда Империя у края пропасти.

— Не стоит переоценивать мои заслуги. У стен Кулака доблестно сражались и походные полки, и гарнизон; особенно отличились бойцы клана Штройн. — Молодой и чернобородый старейшина гномов встретил эти слова легкой ухмылкой, а вот у Короля улыбка вышла несколько кислотовой. — И, увы, не обошлось без жертв. Погиб командир тринадцатого походного полка кэр Альтемир, попав под пылевую бурю бестий во время разведки.

Все согласно склонили головы, чтобы почтить память павшего паладина. Хешель присоединился после секундной заминки, скрывая во взгляде явное облегчение. В конце концов, нет человека — нет проблемы, можно и скорбь изобразить. Ведь Бог-Солнце равно скорбит обо всех своих детях, даже отрекшихся от его благостного учения. Правда, сам первосвященник больше следовал пути карающей длани великого божества.

К тому же Хешель не мог не радоваться, что Оцелот лишился одного из своих козырей. Столько вложить в воспитание мальчишки (церковник уже знал о «перевроплощении» отца Диомира), а потом так неудачно для себя и так счастливо для Церкви его потерять. Первосвященник внутренне торжествовал: выходит, не зря он усматривал в паладине что-то опасное! Радимир, подкрепляя его подозрения, горестно покачал головой:

— Это во многом моя вина. Я даже не заметил, когда все случилось. Был слишком занят битвой...

— Мы скорбим вместе с вами, — мягко проговорил Император, намереваясь следующей фразой намекнуть, что пора переходить к делам, но его опередил гораздо более прямолинейный Король:

— Жалко его, но это дело прошлого. Сейчас под ударом мои горы. Да и думать нечего. Надо двигаться уже.

— Прощу вас вспомнить, что север нашей страны до сих пор

нуждается в защите, — опершись руками на стол и взглянув гному в глаза, сказал Хешель. Это неожиданное заявление удивило всех, а правитель Армон-Дарона вообще уставился на церковника, как на своего личного врага. Только Оцелот, казалось, с ласковой улыбкой почесывал своего кота под подбородком и ничего вокруг не замечал.

— Степь, как мы убедились, полна опасностей. — Первосвященник, ничуть не смущаясь всеобщего внимания к своей особе, развивал мысль. — Я собираюсь отправиться на север, взяв с собой хотя бы два походных полка, а также силы, подошедшие к Кулаку, — чтобы восстановить стражу на Стене и проверить состояние ее гарнизонов, от многих из которых с самого начала войны не было никаких известий. Это необходимо для обеспечения безопасности нашей Империи. В это время основные силы отправятся на юг, чтобы войти в Армон-Дарон через главные ворота. А я, организовав оборону северных рубежей, смогу воспользоваться проходом в Каменном Кулаке, чтобы провести свою армию.

— Два тут да три у Кулака — не много ли будет? — нехорошо прищурился гномий правитель. — Мне не нравится эта затея!

— Тем более что походные полки, пришедшие из Аленора, уже начали готовиться к походу в Армон-Дарон, — словно бы невзначай заметил Оцелот, не отрывая очень внимательного взгляда от животинки в своих руках.

Хешель скрипнул зубами — чего еще ждать от проклятого мага, как не желания испортить жизнь слугам Бога. Однако архимаг тут же добавил:

— Тем не менее идея очень разумная, да простят меня уважаемые гномы, север Империи действительно нуждается в защите. Но двух полков, по моему мнению, вполне хватит, хотя при прорыве бестиями Северной Стены мы и потеряли множество солдат, уважаемый Хешель, без сомнения, заберет с собой множество служителей Церкви, которые весьма и весьма полезны в бою.

Первосвященник глянул на архимага волком. Он, конечно, планировал сделать именно это и как раз придумывал, как бы лучше об этом сказать. Потому что в изложении Оцелота это прозвучало неправильно, хотя вроде и к словам придраться было нельзя.

Король дернул себя за ус и проговорил:

— Нет, если немного, то я согласен. Вашу страну и впрямь здорово потрепали. Не надо, чтобы стало еще хуже. Но много войск не уводите! У нас сейчас каждая секира на счету. — Гном обвел

взглядом своих старейшин, которые молчаливыми кивками подтвердили согласие с его решением.

Впрочем, они могли с такой же легкостью его оспорить, что часто и случалось, когда сталкивались интересы разных кланов. Но сейчас опасность грозила всему подгорному народу, и тратить время на пустые пререкания никто не хотел.

Правитель Армон-Дарона, огладив бороду, задумчиво подвел итог:

— М-да, что называется, шли-шли на север — и не дошли. Главное, чтобы сейчас успели.

— В самую точку, — вежливо улыбнулся Император.

Значит, армии возвращались к южным воротам между двумя странами, так они быстрее бы добрались до наиболее населенных регионов гномьего королевства, куда пришелся основной удар демонов.

Гномы первыми распрощались и покинули шатер, имперцы, раз уж все было решено, последовали за ними.

Хешель даже не заметил, как Оцелот оказался рядом и смотрел ему прямо в глаза. Кот на руках у архимага тоже вперился в первосвященника немигающим взглядом бандитских желтых глаз, и церковник не мог сказать, какой взгляд ему не нравился больше.

— Как вы смотрите на то, чтобы простить Альтемира? — в лоб спросил архимаг.

Хешель, ожидавший чего-то подобного, нахмурился:

— Он пошел против воли Церкви, уважаемый Радимир.

— Но он оказался прав, не так ли?

— Насколько я знаю, Долтар спасли вы, практически в одиночку.

— Но не будь там его, и я мог там не оказаться. — Архимаг выразительно поднял брови. — И он понятия не имел, что я приду ему на помощь, он думал о людях Долтара и Аленора, когда делал это, и был готов пожертвовать ради них собой. По-моему, это лучшие и необходимейшие качества не только для служителя Церкви, но и вообще для человека. Кроме того, сейчас его прощение будет иметь скорее символическое значение, ведь душа Альтемира уже отправилась к Богу-Солнцу. И, замечу, его слишком многие считают спасителем и чуть ли не святым, чтобы Церковь могла спокойно отнестись к его отлучению.

— Уважаемый Радимир, Святая Церковь сама разберется со своими делами и со своими заблудшими детьми.

— Не смею настаивать, — архимаг склонил голову в знак того, что разговор окончен. Первосвященник, отрывисто кивнув, быст-

ро вышел из шатра. Однако Оцелот немедленно проверил и убедился: Хешель думал, что действительно оступившегося паладина можно бы и простить. В конце концов, эдикт об отлучении еще не был официально объявлен, а нескольких канцелярских служек можно будет легко заставить замолчать.

К тому же весь разговор об Альтимире стал для чародея просто поводом подобраться к первосвященнику поближе и заставить его некоторое время стоять спокойно, пока его заклинание сможет войти в контакт с другим заклинанием. Почесывая kota за ушком, Радмир переместился в свой шатер, разбить который он мысленно приказал своим магам еще десять минут назад. Там, проверив защитные заклинания и добавив несколько своих, маг внимательно глянул зверьку в глаза. Тот понятливо мяукнул и развоплотился, сбросив личину, под которой пряталась следящая шаровая молния. Удобно устроив яростно полыхающий шарик на ладони, Оцелот принялся считывать информацию.

Давным-давно, решив, что за первосвященником стоит приглядывать, архимаг поместил в его церемониальное одеяние заклятие слежения, очень хорошо замаскированное. Вокруг главы Церкви хватало чародейства, и очень сильного, пусть и несколько странной природы. И было бы неприятно, если бы он обнаружил магический подарочек.

Радмир пролистывал дни Хешеля один за одним, внимательно исследуя самые разные беседы, коих было немало. Хотя то, что интересовало архимага, скорее всего, должно было произойти совсем недавно, после освобождения Каменного Кулака...

И точно, вот оно.

Солнечная птица, внушающая Хешелю, что подгорный народ неугоден Богу-Солнцу. Первосвященник, не будь дурак, замечает, что не сможет пойти на нарушение союзнического соглашения, и ему отвечают, что это и так понятно. Надо лишь сделать так, чтобы со стороны Империи гномам пришло как можно меньше подкреплений. И разумеется, слова птицы — закон. Ведь это слова Бога-Солнца.

«Ага», — подумал архимаг, жмурясь от удовольствия.

Отряд Снора ушел в глуть Армон-Дарона. И то, что им надо было побыстрее увести Ширша и Альтимира с его людьми от Каменного Кулака, чтобы те не попались на глаза кому не следует, было лишь одной из множества причин. Пожалуй, даже не самой главной.

Во-первых, перенести их с помощью магии было невозможно. Гномы славились своей невосприимчивостью к чародейству, так

что открывать для них телепорты мог далеко не каждый волшебник. Оцелот бы справился, но он, решив все вопросы, скрылся в неизвестном направлении. Вдобавок он не особо распространялся о том, что после битвы у Каменного Кулака сил у него осталось, пожалуй, только на то, чтобы разжечь костерок. А у архимага хватало недоброжелателей, которые могли счесть такой момент ну просто идеальным для того, чтобы нанести ему визит вежливости.

Кроме того, прокладывать тонкие пути в гномьи тоннели взялся бы только настоящий сумасшедший. Погрешность перемещения позволяла вполне буквально оказаться по самые уши в камне. Вдобавок обилие демонов делало высадку весьма опасным занятием: они могли десант перебить еще на выходе из воронки телепорта.

Так что выступать на юг следовало обычным образом. Причем немедленно, поскольку добрых вестей оттуда пока не приходило. Нападение демонов было отлично спланировано: они ударили сразу во множестве мест, целя по ключевым тоннелям, шахтам, поселениям и мастерским. И это казалось очень странным. Раньше этих тварей, обитавших в лаве, никто даже не считал серьезной угрозой, нападали они изредка и небольшими группками или вообще поодиночке, а ничего похожего на тактику или командование у них и не наблюдалось. И конечно, даже речи не шло о таких громадных количествах: доклады с охваченного пламенем южного Армон-Дарона говорили о тысячах чудовищ самых разных видов.

Похоже, на гномов обрушилась нежданная война. И они оказались к ней не готовы. Мало того что демоны рвались буквально отовсюду, проходя сквозь камень, как горячий нож через кусок масла. Южные кланы практически никогда не сталкивались с этим врагом, только члены клана Штройн воевали с демонами давно и в конце концов научились делать это весьма успешно.

Но самое главное, почти все клановые отряды отправились с Королем гномов, чтобы помочь Империи отбить нападение бестий. И именно в тот краткий момент, когда армии Армон-Дарона ушли, напали демоны. Но размышлять о том, насколько все это было подозрительно, братья Эрдессон могли только во время коротких привалов. По многим причинам следовало поспешить.

Во-первых, на юге, в общем и целом, случилась настоящая катастрофа. Гномы, столкнувшись с ошеломляющим перевесом, быстро сдали внешние оборонительные рубежи и отступили в свои поселения и внутренние цитадели. Обороняться там они могли,

конечно, не сколь угодно долго, но вполне достаточно, чтобы дожидаться подкреплений.

А во-вторых, и в этом была своя прелесть, отряд Снора и Кьяра, при прочих равных условиях, мог добраться до южных тоннелей быстрее всех, как минимум за сутки до подхода армии самого Короля. А значит, лавры и почести первых победителей достались бы Эрдессонам, и, конечно, они не могли упустить такой шанс.

Смутное беспокойство внушало лишь то, что у них под началом было не так уж много бойцов — только их собственный отряд да несколько союзников из Империи и Степи. Однако их панцирь был единственным свободным; гарнизон следовало оставить в Каменном Кулаке на случай внезапного нападения недобитых бестий. А людям, даже выдавшим виды ветеранам из походных полков, предстояло подготовиться, прежде чем пускаться в долгий путь по подгорным тоннелям. Они, конечно, и так умели сражаться в узких переходах и небольшими отрядами, но вот опыта сражений с демонами у них не было. Поэтому инструкторы из числа бывалых вояк Штройн трудились не покладая рук — было очевидно, что потребуется любая помощь, какая только возможна.

И еще горячие молитвы всем известным богам, чтобы этого хватило. Демоны оказались настолько сильны, что уже через несколько часов после первого нападения захватили Кузню. Главную гномью святыню не удержали ни лучшие стражи Армон-Дарона, ни пришедшие им на помощь воители. Огненные твари бросили туда такие силы, что попросту затопили гномов количеством. Эту скорбную весть в отряде Эрдессонов встретили вначале потрясенным молчанием, а затем общей клятвой отомстить.

Тоннель от Каменного Кулака не шел вниз, как можно было бы предположить, но и не поднимался. Этот проход был общеклановой важности, то есть с выровненными стенами и полом, шириной в пять сажений и высотой в три, чтобы можно было быстро перебрасывать войска, по десять бойцов в ряд, и перемещать грузы даже в самых больших телегах на хитрой самоходной тяге.

С последними, впрочем, было негусто. Проход поддерживался в идеальном порядке, без трещин в стенах, чистый и хорошо освещенный, но движения по нему не наблюдалось. На деле никто, кроме постов стражи, не составлял компанию отряду Эрдессонов. Это заставляло задуматься.

Изредка по сторонам встречались ответвления, почти всегда меньше основного по значению, а значит, и по размеру. Но многие из них были вообще перекрыты железными воротами, и одного

взгляда на засовы хватало, чтобы понять: ими давно не пользовались.

Альтемир, погруженный в себя, мало интересовался подобными вещами, а вот Ширш крутил головой по сторонам так, что мог свернуть себе шею. Как только отряд отошел от Кулака достаточно далеко, с кирсса, предварительно предупредив бойцов, сняли маскировку. В одном месте тоннель расширялся до небольшого зала, откуда расходилось три хода в разные стороны. В этом помещении разместились все три сотни гномов отряда Эрдессонов, выставили стражу, чтобы не посвящать никого постороннего в свои тайны, и братья представили своим воинам кирсса и людей.

Отношения в отряде были даже ближе, чем между капитанами и бойцами в ротах походных полков. Конечно, среди гномов были допустимы небольшие секреты вроде тех, в каком сапоге кто прячет заначку, чтобы закадычные друзья ее не сперли и не прошили по случаю. Но серьезных тайн даже между командирами и простыми бойцами не существовало и не могло существовать. Тут были одни боевые товарищи, конфликты разрешались немедленно, пока не начали представлять опасность, а Снор и Кьяр были не далекими и недоступными предводителями, а скорее старшими братьями. Что, разумеется, означало непререкаемость их авторитета, тем более что многие их воины и впрямь приходились им родственниками.

Такой подход был более чем оправдан: в горах случается всякое, и любой отряд может отделиться от основных сил из-за завала или еще каких-нибудь причин. Армон-Дарон был опасным местом, и гномы издревле выживали, стоя спина к спине. Естественно, вопрос доверия своим боевым товарищам даже не поднимался, оно и так было абсолютным.

Поэтому было очень важно, как гномы оценят решение своих командиров и как примут Ширша (Мурен благоразумно скрывался под пологом невидимости) и Альтемира с его воинами.

Но все прошло нормально. Насчет кирсса хватило уверенного заявления братьев Эрдессон, что он сражался у Каменного Кулака против ящеров. Гномы, конечно, не собирались принимать бестию так легко и просто, память у них была еще крепче, чем у заров, и они помнили, как сражались со степняками во время Великой войны. Но по крайней мере Ширша согласились терпеть рядом с собой, а дальше время покажет. Сам кирсс воспринимал всеобщее недоверие совершенно спокойно — и вообще в последнее время изображал больше вальяжную и ленивую, чем разумную кошку. То есть проявлял наибольший интерес к еде, сну и поискам банти-

ка. Не знай Кьяр со слов Оцелота, что этот кирсс был избран верховным вождем целого рода в несколько десятков тысяч своих соплеменников, он бы и сам поверил этой игре.

С Альтимиром вышло еще проще: он не только участвовал в битве у цитадели, он еще и был весьма известен даже в Армон-Дароне. Так что командиру тринадцатого походного и его солдатам были всегда рады. Паладин вежливо улыбнулся, пощипывая кончик носа, и принялся пожимать протянутые руки, желая поскорее с этим покончить. Его солдаты влились в коллектив еще быстрее: самому доверчивому гномы предложили хлебнуть черного эля и дружно поржали над получившимся результатом, когда тот согласился. Инцидента как такового даже и не произошло — сам боец тоже посмеялся вместе со всеми. Когда его откачали.

Гномы быстро собрались и двинулись дальше. Кирсс, теперь озирающийся свободно, без опасения неосторожно задеть кого-нибудь колючими усами или хвостом, в конце концов не выдержал и поинтересовался у Кьяра:

«Почему тут так пусто, а боковые тоннели перекрыты? Что, за Каменным Кулаком жизни нет?»

Разумеется, он это не сказал, а подумал, да и правильное название гномьей цитадели ему узнать было неоткуда. Но заклинание, сотворенное Оцелотом и поддерживаемое наугером, верно передавало все мысленные образы, чтобы расовые или языковые различия не служили препятствием к общению.

Наугер, усмехнувшись, покачал головой:

«Скоро ты сам все увидишь, тогда я объясню, а ты поймешь».

Ширш шевельнул ушами, что для него означало пожать плечами.

«Хорошо».

Ждать ему оставалось недолго. Вскоре в тоннеле послышались отзвуки далекого эха, словно где-то впереди располагалось огромное пустое пространство. Затем ровные ряды светильников по стенам оборвались где-то вдалеке — там мерцал неяркий, но ровный свет.

И наконец тоннель окончился.

Отряд вышел в подземный зал.

Ширш тут же припал к земле, инстинктивно среагировав на огромную и совершенно неожиданную пустоту вокруг. Альтимир и его бойцы, не стесняясь, открыли рты. Даже гномы, до этого переговаривавшиеся вполголоса, уважительно примолкли и оглядывались по сторонам. Только братья Эрдессон посматривали

друг на друга с легкими улыбками, — в которых, однако, было мало веселья.

— Добро пожаловать в Третью границу, — торжественным голосом произнес Кьяр.

Он отлично понимал, какое впечатление на наземных жителей произвели масштабы увиденного. Даже по меркам Армон-Дарона этот зал был очень большим — пожалуй, даже самым большим из существующих.

Третья граница была узкой, не больше полусотни саженей в ширину, и словно исполинское лезвие прорезала толщу гор с востока на запад. Но ее потолок возносился на потрясающую высоту, теряясь в чернильном мраке, а вдаль она тянулась словно бы в бесконечность. Ряды светильников по стенам постепенно сливались в сплошные линии, а затем и в единое мутное пятно света.

— Некогда она тянулась через весь Армон-Дарон, — негромким голосом, давая слушателям осознать услышанное, проговорил Снор. — На многие и многие лиги, от земель Империи до бесплодной и бескрайней пустыни.

Дальнейших вопросов не последовало. Гости осматривались по сторонам. И Шириш, цепким взглядом охотника подмечая множество деталей в общей картине, и Альтемир, пощипывающий кончик носа и разглядывающий границу с видом полководца, изучающего место будущего сражения. Они оба знали, как надо смотреть, чтобы увидеть все нужное и как можно быстрее. Капитан Эльтер, пожалуй, тоже был на это способен, и все трое пришли к одним и тем же выводам практически одновременно.

Здесь все было неправильно.

Третья граница была пуста. Но не пустотой недавно покинутого дома. Поначалу можно было бы предположить, что гномы отсюда ушли на юг, сражаться с демонами.

Нет. Она была покинута уже давно. Лишь стража стояла у входов в многочисленные боковые тоннели, и редкие патрули освещали себе дорогу факелами. Из светильников горел только нижний ряд, хотя наверх уходили еще несколько. Продвигались тут по дорожкам, протоптанным в пыли.

Левая стена, обращенная к югу, при более внимательном рассмотрении оказалась не идеально обтесанной скальной породой, а каменной кладкой, по которой змеилась сложная система лестниц, переходов и сквозных дверей, располагавшихся ровными рядами. Вели они, казалось, в неизвестность. Ни одного гнома или даже огонька не виделось в пустых черных арках.

«Жуткое место», — прижал уши Шириш.

По лицу Альтемира было понятно, что он с вождем согласен:

— Что здесь случилось?

— Отойдем к правой стене — той, которая смотрит на север, — указал рукой Снор.

Отряд остановился, немедленно расположившись на краткий привал, а братья Эрдессон повели гостей на экскурсию. Ширша все воспринимали как неизбежное зло, Эльтер присоединился к молчаливого согласия Альтемира, ну а Мурен, которого видел только равнодушный к его облику наугер, и не собирался никого спрашивать.

— Если заметили, с южной стороны входные тоннели находятся ниже уровня пола, — начал Кьяр. — Входящие через них поднимаются по пандусам, но пандусы можно сложить с помощью скрытых механизмов, и тогда путь будет закрыт. А все, кто окажется в яме, станут легкой мишенью для защитников. Левая стена границы, которую видите вы, на самом деле не настоящая стена. Она возведена примерно посередине, за ней еще пустое пространство. Двери в ней ведут на балконы для стрелков и прислуги котлов с кипящей смолой — смолу лили на головы атакующим, прорвавшимся в уже имеющиеся тоннели, а арбалетчики радовали особо хитрых врагов, желающих прорыть новый ход и сделать защитникам сюрприз. — Наугер огладил бороду, прервавшись на мгновение.

— Вся Третья граница, как и две остальных под ней, — это огромное защитное сооружение. Нечто вроде ваших наземных стен, Альтемир. Только в горах самое опасное — это толща неразведанной породы. Потому что через нее могут пройти вражеские копатели и нанести внезапный удар. Так что весь север Армон-Дарона был отгорожен границами. Это было во времена клановых войн. Здесь располагали посты слухачей, предупреждавших о попытках врагов прорыть новые тоннели, и отряды воинов, чтобы отбивать эти и более серьезные нападения. Надо признать, наша система оказалась очень эффективной — за почти век никто так и не прорвался.

Экскурсия как раз подошла к правой стене подземного зала. Тоннели в нем были устроены по-другому — они, наоборот, были выше уровня пола на две сажени, и к их устьям поднимались пандусы.

— Тоже складывались?

Снор кивнул:

— Чтобы, если враги все-таки прорвутся в центр границы, за-

щитники не пустили их в основные тоннели на северной стороне. А теперь давайте поднимемся туда.

Но далеко им пройти не удалось. Тоннель был завален уже через два десятка саженей.

— Как и все они с северной стороны, — горько произнес Кьяр, поднимая повыше свой науг, набалдашник которого засиял ярче любого светильника. — Смотрите.

Нагромождение булыжников не было обычным завалом, в щелях между камнями поблескивала какая-то темная масса.

— Это вулканическое стекло, — произнес Снор, снисходя до не слишком искушенных в горном деле наземных жителей. — В него превращается лава, когда застывает.

— Что там дальше, на севере? — тихо спросил паладин.

Наугер криво усмехнулся:

— Ничего. Армон-Дарон теперь заканчивается здесь. А раньше... — Гном опустил глаза. — Раньше там находился наш дом. И дом нашего клана. Сильнейшего и величайшего среди всех — Штройн, «Пылающий горн в сердце снежной бури». Никто не строил таких больших и величественных залов. Никто не ковал лучшего оружия. Никто не развивал науку так же быстро, как мы. И никто, кроме нас, не догадался заключить союз с людьми — если ты помнишь историю, Альтемир.

Паладин помнил. Отец Диомир уделял изучению истории особое внимание.

Поначалу люди и гномы воевали друг с другом. Хотя «воевали» — слишком сильно сказано. Люди тогда обитали в лесах и одевались в звериные шкуры, лишь только их маги, пусть слабые и невежественные, могли хоть как-то противостоять закованным в стальную броню и отлично вооруженным подгорным воителям. Южные кланы видели в лесных дикарях свою законную добычу — или будущих рабов, или данников, обязанных поставлять в горы еду.

А потом с севера, через Глорнский лес, который тогда еще так не назывался и был неопасен, пришли другие гномы. Они дали людям оружие и научили сражаться, а в обмен попросили лишь одно — дружбу и союз.

И затем люди вместе с кланом Штройн ударили по южным кланам с двух сторон, наконец окончив многовековую войну.

А вот что случилось потом, Альтемир не знал. Братья Эрдессон не выглядели удивленными:

— В Империи вообще мало кто об этом знает — Армон-Дарон давно уже единое государство, и проблемы отдельных кланов ка-

жуются не слишком важными новостями. Даже их гибель проходит незамеченной. — Снор покачал головой. — Но уж про великое извержение ты должен знать. — Паладин согласно кивнул. — Так вот, весь север горной цепи — это, по сути, один громадный вулкан. И у его корней издревле обитал наш клан. Мы закаляли с помощью лавы оружие, придавая ему крепость и остроту, недостижимую для других. И мы же первые, к слову, столкнулись с демонами. Это мы придумали арбалеты, чтобы отстреливать их издали, и клевцы, чтобы разрывать на отдельные камни в ближнем бою. Ведь демон — это груда камней, скрепленных жидкой лавой и каким-то проклятым колдовством. Угости ее доброй сталью промеж камешков или разбей один булыжник, и вся тварь развалится и издохнет. — Гном, увлекшись, рубанул воздух ладонью, но потом примолк, задумавшись. И продолжил после паузы:

— А потом наше благословение обернулось против нас. С полвека назад приключилось извержение, равного которому никогда не было. И теперь, — гном указал в сторону завала, — там город мертвецов. Внизу, под нами, было еще две таких же границы, как эта Третья, бывшая самой верхней. Теперь она единственная. Причем дальше к западу лава прорвалась и в нее, разделила границу посередине и перекрыла проход дальше. С тех пор мы тем краем и не пользуемся, все равно смысла нет.

«Никто не выжил?» — спросил Ширш, слушавший всю историю с прижатыми ушами.

— Ну почему же. — Снор усмехнулся. — Обитатели окраинных поселений успели уйти. После первого удара лава пошла медленнее, а когда она дошла до границы, мы вообще смогли остановить ее продвижение, попросту завалив проходы. Да и, строго говоря, в момент катастрофы на севере жила лишь малая часть нашего клана. После победы в войне одним из наших условий стало то, что во всех тоннелях Армон-Дарона стража будет из клана Штройн. Со временем, конечно, охрана переходов во многих местах превратилась в почетную обязанность, но никому и в голову не приходило забыть, чьи воины стоят на каждом углу и за кого они будут сражаться, в случае чего. Так что погибли немногие. Но что это были за гномы!

— Многие мастера и кузнецы, ярлы и старейшины, — принялся перечислять Кьяр. — А еще погибли реликвии нашего клана. Те, что позволяли нам выбирать Короля наравне со всеми. А еще позволяли нашему сильнейшему ярлу выставить свою кандидатуру. А значит, хотя нас и много, как клан мы мертвы. Никогда больше никто из Штройна не сможет стать Королем Армон-Дарона, да и

выбирать следующего правителя будут вообще без нашего участия. И никто из южных кланов не пойдет на то, чтобы что-то изменить. Это будет их месть за нашу древнюю победу.

— В смысле? — Альтимир уже мало что понимал, сказывался недостаток знаний.

— После победы в войне требуется еще и удержать завоеванное, нет? — ухмыльнулся Снор. — Первому Королю всего Армон-Дарона, который, естественно, был из нашего клана, совсем не хотелось, чтобы после его смерти грызня началась заново. Решить эту проблему можно было, перебив к ррытовой матери всех южан, но потом идею, пусть и с сожалением, отвергли. Зато придумали кое-что другое: чтобы после смерти старого Короля старейшины всех кланов собирались вместе и выбирали нового. И у всех оставалась надежда, что когда-нибудь и их ярл заберется на самый верх. Уже следующим Королем, кстати, стал южный гном — и, надо сказать, ему новый порядок понравился.

— Этот порядок сохраняется и сейчас. Вот только маленькая неприятность — для участия в выборах Короля клан должен обладать древними реликвиями еще тех времен, ожерельем ярла-выборщика и церемониальным молотом. А раз у нас этого не осталось, то и к выборам наш клан не допустят. И еще будут усмехаться при этом — мол, сами установили правила, вот самим и придется из-за них пострадать. — Снор сплюнул. — Твари ррытовы. Лучше бы мы их тогда перебили.

— Спокойно, брат, — с усмешкой проговорил Кьяр. — Это я понимаю, что ты шутишь, а каково нашим новым союзникам, которые не знают твоего характера и принимают все за чистую монету?

— Опять ты меня сдал с потрохами, брат. — Гном усмехнулся в ответ. — Так, посмотрели, поговорили, пора и обратно идти. Мы, конечно, проделаем часть пути быстрее обычного, но тормозить из-за этого не стоит.

— А почему вы все-таки уходите на юг? Что, демоны не могут прорваться здесь? — спросил Альтимир.

— Да мочь-то они могут. — Кьяр на ходу обернулся к нему и подмигнул. — Только зачем им это? Судя по всему, сейчас их нападением управляет кто-то очень умный. А здесь, на севере, после извержения вулкана не осталось ничего ценного. Границы потеряли свой смысл уже давно, как только окончились клановые войны, и сохранялись только как дань традициям. Здесь нет крупных поселений, а те, которые есть, смогут за себя постоять. Но опять же до этого почти наверняка и не дойдет. Демоны внезапно поум-

нели, и воевать за голые стены северных тоннелей они не будут. Так что мы идем на юг — туда, где кипит жизнь и битва!

От границы тоннели пошли под уклон, воздух в них стал тяжелым и влажным, а на стенах появились капли. Скоро обнаружилась и причина всего этого — проход, по которому двигался отряд Эрдессонов, окончился в огромной пещере, оставленной гномами в почти первозданном виде. Стены тут были неровные, а с потолка свисали каменные сосульки. Такие же поднимались им навстречу из пола. Расчищен был лишь участок дороги, и сверху тоже, чтобы в случае подземных толчков на путешественников не сыпались камни.

Единственным заметным строением была большая пристань на берегу пересекающего пещеру надвое подземного потока. Вода в нем действительно была очень темная, но текла медленно и вроде спокойно — хотя и быстрее пешего гнома. Для судоходства эту речку гномы приспособили уже давно. На юг грузы сплавлялись по течению, а обратно понтоны тянулись либо на моторах, сейчас зачехленных, либо вообще на веслах.

— Грузимся на понтоны! — скомандовал Снор и пояснил для гостей: — Так мы доберемся до Улья быстрее, чем пешком.

— Улья? — Альтемир поднял брови. — Нехарактерное название.

— Уж какое есть. Но ты прав, его назвали так из-за того, что там понатворили мы, гномы, а не природа. Это была обычная подгорная толща, не слишком богатая полезными ископаемыми и прочим, ничем не выделялась, короче. Кроме лишь того, что именно там развернулись основные сражения клановых войн. А значит, сотни и тысячи раз наши предки и южные гномы пытались обойти позиции друг друга окольными путями, прокладывая новые тоннели в обход существующих. Так что там теперь ррытова куча подземных ходов и галерей, половина из которых завалена и забыта, а в остальные без надобности никто не суется. Точной карты Улья нет ни у кого, небольшие группы бывалых следопытов могут похвастаться только знаниями нескольких небольших районов. Через эту область проходит несколько значительных тоннелей, охраняемых и поддерживаемых в порядке, а все остальное, строго говоря, заброшено за ненадобностью и используется разведчиками как охотничьи угодья. Тем более что во время этих войн всю руду оттуда мало-помалу повыкопали. Ну да сам все увидишь, как мы туда доберемся. Сомневаюсь, что нашествие демонов сильно что-то изменило, там даже эти твари ноги сломят.

• Хозяин Пророчества •

Те, кого окружает пустота, начинают искать возможности внутри себя. И иногда достигают таких результатов, о которых сидящие на всем готовом не могут и мечтать.

Одна из надписей на гробнице Абдиз-Жера, великого вождя, который впервые объединил все племена пустынных орков, а также даровал им храбрость¹.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сравнивать летучие ковры с теми же огненными дракончиками было невозможно. Во-первых, высота. Даже неугомонные гномы смиренно сидели на своих местах, и не думая проковырять дырочку в ковре и глянуть вниз. Когда все, что есть между тобой и радушными объятиями земли, — это две сотни саженей чистого воздуха и тоненькая тряпочка, вера в ценность этой тряпочки становится просто невероятной.

Сверху и видно было лучше; по крайней мере, следующую за караваном по пятам ночь все увидели издалека. Темная полоса все приближалась и приближалась, сама по себе ничуть не злоеющая, но в этой мерной, какой-то безысходной гонке было нечто странное, на грани безумия.

Впрочем, это касалось только тонко чувствующих натур, а практичный Снор только почесался и заявил, что было бы неплохо устроить привал.

Слова, очевидно, пришлось ко двору. Ковры по ленивому жесту Харад-аля замедлили ход, а затем и вовсе пошли на снижение, коснувшись уже затопленной сумерками земли именно в тот момент, когда ночь наконец вступила в свои права.

Первые минуты все вели себя достаточно настороженно и зорко оглядывались по сторонам, как будто не насмотрелись на плоский, как доска, изредка радующий глаз чахлыми кустиками пей-

¹ Надпись после смерти Абдиз-Жера делали дервиши, выразив так свое особое чувство юмора. Абдиз-Жер при жизни больше всего любил оперировать криками «Махач!», «Жратва!» и «Бабы!», но особое предпочтение отдавалось громогласному «РРРААААА!», которое всегда оставалось интуитивно понятным. Шибко умных он любил разве только подвешивать над костром за большие пальцы. И вот такому-то суровому воину, бойцу до мозга костей, всю могилу исписали наставлениями потомкам, да еще в самых заумных и изысканных выражениях, а иногда вообще со скрытым смыслом.

жаж с высоты коврового полета. Коварным врагам большим числом тут было не подкрасться незаметно к мирно спящим путешественникам, спрятаться им было совершенно негде. Степь здесь еще не перешла в пустыню, но дыхание песков уже чувствовалось.

Воздух еще не успел остыть от солнечных лучей, да и земля хранила немалый запас накопленного за день тепла. Немногочисленная местная живность с едва слышным треском и писком поркнула по норкам и впадинкам, как только отряд начал с шумом выгружаться. Эти предосторожности оказались весьма своевременными, потому что гномы, многие из которых уже так полюбили огнестрелы, что не собирались с ними расставаться даже на охоте, выгрузились следом и решили добыть немного пропитания. И если при встрече с арбалетным болтом у ушастого тушканчика были хоть какие-то шансы сохранить лицо, пусть и весьма грустное, то разрывной снаряд огнестрела действовал куда ультимативней.

Снор, впрочем, не дал свершиться непотребству, зычно проорав команду «не стрелять в зайцев гранатами». Ну а ветеранов тринадцатого походного ждал неприятный сюрприз: местная живность натурально оказалась быстрее летящей стрелы. Вечно пугливые тушканчики, очевидно, улавливали волны рассекаемого болтом воздуха своими громадными ушами и потому успевали увернуться. В общем, свежей дичинкой разжиться не удалось. Все повздыхали и полезли в мешки за походной едой. На этом безрадостном фоне родничок, обнаружившийся всего в паре сотен шагов, был настоящим праздником. Все быстро перекусили и дальше, в зависимости от выработавшихся привычек и индивидуальных предпочтений, либо улеглись сразу, либо отправились травить байки на сон грядущий.

Последнее, правда, относилось скорее к людям, гномам, демонам и паре кирссов, они уже успели привыкнуть друг к другу за время похода и не шарахались от одного вида покрытых шерстью или красноглазых существ. Чего не скажешь об орках. Под чутким руководством Наран-зуна, который не упускал удобного момента бросить на остальных неприязненный взгляд, пустынные воины выстроили лагерь в лагере — их палатки встали плотным кольцом, повернувшись глухими концами наружу. Где-то там, внутри, горели костры, даже доносились обрывки каких-то песен, но представители других народов ясно поняли, что они здесь чужаки и им совершенно не рады.

Не обошлось и без стражи; причем все предводители, немного посоветовавшись, сошлись на том, что не стоит пренебрегать карау-

льными, сведущими в магическом искусстве. В конце концов, рядом была пустыня, о волшебных чудесах которой даже живущие там орки говорили поеживаясь. И никто не мог поручиться, что какой-нибудь полк армии мертвых не забрел случайно в эти края.

Но сделать все без ошибок все-таки не получилось — в частности, одна ошибка, тщательно замаскировавшись под естественный магический фон, внимательно следила за расположившимся на привал отрядом.

С немалым и очень хищным интересом.

Ночная жизнь вступила в свои права. Что-то постоянно шуршало и попискивало в сухой и жесткой, как щетка, траве. Снор, вызвавшийся дежурить в первую смену, поначалу не утерпел и вlepил из личного арбалета по ближайшему шороху, но одно-единственное прилипшее к стальному болту жесткое крылышко, судя по всему, божьей коровки его явно разочаровало. После этого он уже вел себя довольно мирно, хотя и явно скучал, глядя в огонь. Что и говорить, за непродолжительное время каждый привыкал к этому постоянному шороху, автоматически фильтруя его. В конце концов, трудно было ожидать от жучков какой-либо угрозы, даже если бы их собралась целая сотня.

Те, кто считал нужным верить в приметы и символы, вероятно, были бы обрадованы, узнав, что неприятности начались почти сразу после полуночи, когда безобидное доселе шуршание превратилось в нечто куда более опасное. Впрочем, для того, чтобы обрадоваться, надо было быть очень удаленным наблюдателем.

В конце концов, идеальные солдаты для засады — это скелеты. Они не сопят, не треплются от скуки о бабах, не воняют пивом и чесноком и, в отличие от зомби, самими собой тоже не пахнут. И могут подбираться к своей добыче раздельно, причем в прямом смысле слова — каждая косточка своим собственным путем. Чтобы потом в мгновение ока собраться и ка-ак прыгнуть.

Внешнее кольцо дозоров состояло в основном из орков, и это оказалось чертовски правильным решением. Потому что пустынные воины, даже не изменившись в лицах, вступили в бой сразу же. Снор потом вспоминал, что стражник, сидевший напротив него с полуопущенными веками, словно бы борясь со сном, так и не раскрыл глаз пошире, а мгновенно был уже на ногах и невеста когда выхваченным клинком крошил скелетов. Самому ярлу тоже досталось: подобравшийся со спины скелет отточенным движением воткнул руку ему в спину, вырывая сердце.

Вернее, попытался воткнуть. Мощь оживленных магией бойцов напрямую зависит от количества и мощи этой самой магии,

так что подлинным ужасом в ночи становились лишь те, которые были созданы в результате положенного обряда, да еще и наделены собственным сознанием. А на эти скелеты волшебства пожалели, поэтому тот, что атаковал гнома со спины, фактически ударил старой высохшей костью по гномьему доспеху — со всеми вытекающими. Снор, быстро повернувшись и крикнув от неожиданности, впервые глянул так близко в пустые глазницы агрессивно настроенного черепа, щедро размахнулся и обрушил на голову вражины кулак в латной перчатке. Ржавый шлем разошелся ромашкой и стыдливо прикрыл горку костяной крошки. Это, впрочем, оказалось только разминкой — следом уже лезли новые скелеты. Правда, Снор только обрадовался, поприветствовав второго «гостя» широкой, хотя и слишком хищной ухмылкой и мощным прямым ударом в челюсть. А потом еще и в затылок, когда кулак прошел насквозь.

Мертвецы, судя по звукам, подобрались со всех сторон и напали одновременно, отовсюду доносились азартные крики вошедших в раж орков и радостные вопли гномов, наперебой оравших:

- Глянь, как я его!
- Во здорово улетел!
- Ага, в три разные стороны!

Но к вящему сожалению остановившегося на привал отряда, в планы атакующих не входило устраивать из ночной засады фарс. И бросившиеся со всех сторон скелеты оказались скорее отвлекающим маневром, чем реальной угрозой.

Настоящая опасность, как обычно, подобралась с самого неожиданного направления. Здоровенная костяная тварь выбралась из-под земли в середине лагеря во всем своем блеске — с многочисленными глазами, горящими красным светом, несколькими щелкающими клешнями, парой десятков ног и ручьями струящегося вниз песка. Чудовище встало на дыбы, с клацаньем встряхнулось, расшвыривая по сторонам песок, взревело и... упустило свой шанс поучаствовать в битве. Яссольф, уже успевший за несколько мгновений возненавидеть свою безопасную и удаленную от врагов позицию в середине лагеря, наконец-то обнаружил практически у себя под носом достойную цель для своей пушки и, ухмыляясь, словно заправский маньяк, дал залп.

Даже успевшие зажмуриться все равно увидели ярчайшую вспышку. Все остальные, временно утратив зрение, не утратили желания выразить свое мнение о случившемся и сообщили демону много нового и интересного сразу на нескольких языках. Даже

языковой барьер не мог стать препятствием — настолько красноречивы были интонации и жесты многочисленных рассказчиков.

Неведомые координаторы атаки, видимо, решили, что прелюдий уже хватит, и наконец-то бросили в бой основные силы, крайне удачно подгадав момент, когда все были слишком заняты ликованием и чисто дружескими мелкими выяснениями отношений. Хотя даже будь все в полной боевой готовности, шансов у них было немного: в центре лагеря вспух громадный темный нарыв и, прорвавшись, выпустил на волю волну духов.

Везде когда-нибудь шла битва не на жизнь, а на смерть, даже если нога существ, считающих себя мыслящими, никогда здесь не ступала. Деревья воевали друг с другом за солнце и воду, травинки и цветочки тоже на деле занимались совсем не теми умильными вещами, которые обычно приходят в головы стихоплетам. Кто-то прыгал, выслеживал, охотился из засады, убегал или догонял, нападая, пожирая и умирая.

Но земля здесь помнила и кровь, которая лилась на ней давным-давно, когда орки и бестии, впервые встретившись, решили познакомиться наиболее распространенным образом: начав резать друг друга. В песках не осталось даже костей, но память была вечно жива и готова ответить на зов тех, кто умел спрашивать.

Темная волна, слитая из множества бывших жизней, настолько единая, что отдельных силуэтов было и не разглядеть, рванулась к своей добыче. Людей сразу же прикрыл Альтимир, демонов взяла под защиту Сетэль; Кьяр, как мог, держал оборону вокруг гномов, а Харад-аль, скрежеща зубами, тратил силы на щит вокруг орков. Духовные волны густели, чернея на глазах, и громоздились друг на друга, вздымаясь достаточно высоко, чтобы скрыть звездное небо.

Магическая защита трепетала, но держалась. Не будь все чародеи измотаны недавней битвой, чары подобного уровня были бы для них детской игрой. Впрочем, и сейчас особых проблем ни у кого не возникло. Но вот удерживать защитные экраны и одновременно искать внутренним взором противника не удавалось никому. Так что неведомые враги могли успеть безнаказанно скрыться. А в худшем случае какой-нибудь союзник мог бы упасть без чувств, израсходовав всю свою энергию, и вообще погибнуть.

В нескольких сотнях саженей севернее некромант позволил себе слабую улыбку по поводу успешно проведенной операции. Даже если он не преуспеет в главной цели, вовремя скрыться у него все равно получится. А если повезет, у кого-нибудь из его

противников скоро закончится энергия, и он, не в силах больше поддерживать щиты, погибнет. Однако эти планы были самым неприятным образом разрушены. Некромант внезапно услышал за своей спиной краткий басовитый, даже какой-то ласковый «мур-р». Но, судя по некоторым обертонам, кошка, издавшая этот звук, была весьма внушительных размеров.

Ширш был очень рад, что все-таки незаметно выбрался из лагеря на охоту. Ведь сейчас ему выпала удивительная возможность задавить не какого-то тушканчика, а настоящего, отборного гада.

Всегда приятней предупредить добычу, от этого она потом приобретала совершенно особый вкус. Ну и, разумеется, если добыча пугалась очень сильно, в ней уже не оставалось ничего лишнего.

Здесь, правда, был не тот случай. Волшебник попался старый, опытный, пуганый, способный сплести два заклинания в одну десятую секунды. А еще он имел посох, балахон и даже черную цепь на шее. Но он не знал, что ему противостоит кирсс, уже делающий на копые зарубки по числу убитых братьев. Зарубка, разумеется, пока была одна, но кирсса это не смущало. Вторая, как он не без оснований полагал, приложится. Прорваться через личную защитную сферу колдуна вождю удалось уже проверенным способом. Сторели и рассыпались прахом зачарованные шаманом клыки, а кирсс оказался на расстоянии вытянутой руки от противника.

Маг, разумеется, тоже не бездействовал, врезав по кирссу сразу цепью связанных атакующих заклинаний, но его магия внезапно повела себя очень странно, даровав Ширшу ту секунду, что отделяла его когти от горла добычи. Когда влажное бульканье и хрипы затихли, из земли медленно проступили слегка светящиеся уши Мурена. Вождь поблагодарил его молчаливым кивком. В конце концов, именно шаман показал ему, где искать мага, устроившего засаду. И именно он не позволил этому же магу нанести Ширшу хоть какой-нибудь урон.

Кирссы могли заслуженно гордиться собой — их усилия хоть и были не особо велики, но приложены в правильном месте и в правильное время. Ширш прикопал тело под ближайшим кустом, чувствуя себя не настолько голодным, чтобы позариться на тоще-го некроманта. Тот и сам не слишком отличался от своих скелетов, состоя из обтянутых кожей костей. Зато его голову вождь притащил в лагерь, добившись заслуженной похвалы для себя и для Мурена. После чего провел полночи, прилаживая скальп к любимому охотничьему копыю. И разумеется, про зарубку он тоже не забыл.

А Мурен, убедившись, что волнение затихло, позвал пророков:
«Есть кое-что крайне интересное...»

У всех хватило ума догадаться, что дело явно срочное, и не возмущаться по поводу того, что им не дают спать.

«Ну не томи».

«Магию, которую использовал этот некромант, я запомнил хорошо и узнаю в любом обличье. Он использовал силу освобожденного зверя. Сомнений быть не может, потому что такая тварь меня убила, и я знаю, на что это похоже. Пока что нам эти сведения без особой надобности, но кто знает, как все обернется. Все именно так, как и говорил Оцелот: если убить создателя, его мертвые марионетки рассыпаются прахом. Может быть, нам удастся справиться с нашествием разом, если мы отыщем основной источник скверны, который скрыт где-то в Степи».

Наступило задумчивое молчание, далеко не сразу нарушенное дервишем:

«Интересная идея, но сейчас, скажу я тебе, надо спать. Потом мы отобьем врага от врат пустыни и только потом станем загадывать на будущее. Хорошо?»

«Замечательно!» — довольно муркнул Мурен. Разумеется, ждать согласия по столь сложному вопросу сразу было бы неразумно, но шаман сделал главное: он заронил зерно идеи.

И теперь ожидал всходов.

До пустыни и впрямь оставалось немного: на следующее утро блеск песка замаячил на горизонте с первыми солнечными лучами. А к полудню все устали от этого сверкания настолько, что большую часть времени проводили либо лежа, либо крайне осторожно глядя на восток — там песок почему-то почти не блестел. Харад-аль, услышав вопрос по этому поводу, только захихикал и, потеряв ладони, заявил, что там, где песок блестит особенно ярко, находятся магические ловушки. Ну, или входы в них, потому что многие ловушки тянулись в глубь барханов на многие версты, достигая своих жертв далеко не сразу. На резонное замечание о том, что этот блеск был практически везде, дервиш только пожал плечами и слегка удивленно заметил:

— Я, кажется, уже говорил вам вчера: в нашу пустыню есть только один вход. Все остальные закрыты стеной древнего волшебства, к которому лучше даже не приближаться. И косых взглядов, — Харад, подняв ладонь ко рту, снова хихикнул, — эти чары тоже не любят. Многие из них живые и весьма подвижные.

Все, мрачно сойдясь на том мнение, что у этого орка странное

чувство юмора, уперлись взглядами в ковровые узоры у себя под ногами — от греха подалее.

Солнце палило, однообразные пески проносились вниз, ветер, гуляющий на высоте, хоть и приносил некую прохладу, но был совершенно сух, поэтому старались не говорить. Вода и так была крайне ценной, и ее запасы постоянно подвергались алчному ощупыванию взглядами. Любому, кто покусился бы на святое, ухватив бурдюк вне очереди, без раздумий дали бы в ухо — вне зависимости от реального отношения.

Особо мерзкие впечатления оставляли далекие, окруженные деревьями пруды и озера — сплошные миражи, как выяснилось. Харад-аль, помнится, приказал сделать небольшой крюк и показать всем истинную сущность этих иллюзий, чтобы потом не слушать бесконечное нытье по поводу остановиться и искупаться. Марево при приближении ковровой авиации задрожало, а затем и вовсе стеснительно исчезло, оказавшись пятном красной глины, обожженной солнцем до состояния матерого гранита.

Пейзажи на далеком горизонте появлялись с завидной регулярностью, сменяя друг друга, — колодцы, дворцы, храмы и статуи чередовались с большими и малыми рошицами. Все мало-помалу переместились поближе к этому краю ковра, чтобы полюбоваться хоть на какое-то разнообразие и изредка комментируя увиденное, когда действительно было на что посмотреть.

Гномы, разумеется, обстоятельно обсуждали в своем узком кругу технику исполнения каменных статуй, разбирая на конкретных примерах, где мастер преуспел, а где провалился. Все остальные не понимали, как можно интересоваться желтыми камнями на желтом же фоне, и оживлялись только при виде ярких голубых пятен, обозначающих появление очередного иллюзорного озера. Мало-помалу миражи стали интереснее, принимая вид каких-нибудь стилизованных зверушек, и тогда все начинали с энтузиазмом спорить, что это за животные.

Наиболее жаркие споры развернулись вокруг совершенного в своей простоте, идеально круглого озера. Разумеется, этот круг можно было толковать просто, а можно было удариться в противоположную крайность. Вариант, выбранный летящим над однообразной пустыней и дуреющим со скуки отрядом, был очевиден.

— Да это же натуральная подкальная жаба, как вы не видите? — горячились гномы.

Сетэль рассудительно возражала:

— Вон клин ряби на отмели видите? Если приглядеться, сразу

станет понятно, что это спящий, свернувшийся клубком огненный дракончик. Вон и крылышки проглядывают.

Альтимир, которому казалось, что это озеро донельзя напоминает почему-то синий блин, почувствовал себя чужим на этом празднике жизни и благоразумно не стал озвучивать свои мысли.

Ширш же, одарив водоем ленивым взглядом, снова свернулся почти клубком и проронил:

«Это дракон. — Сетэль явно приободрилась. — Дух-покровитель, тотемный зверь заров. Я на эту тварь нагляделся порядком».

Паладин, бросив на пруд быстрый взгляд, озадаченно почесал в затылке. Конечно, сам он видел дракона только мельком, и то магическим зрением — когда выбирал в небе над Мирбургом цель для освобожденного охотника. Особого сходства не наблюдалось, на что не преминули указать и все остальные.

Кирсс, даже не приоткрывая глаз, только ткнул пальцем в озерко, которое уже почти скрылось из виду.

И снова появилось. И снова скрылось. И опять появилось.

Сетэль уже собралась было спросить Харад-аля, а нет ли в этой пустыне мигающих или движущихся миражей, как проблема разрешилась сама собой — Снор, обладавший самыми зоркими (после Ширша, разумеется) глазами, углядел по краям «озера» два громадных крыла.

Сонливость сдуло как ветром, тем более что дракон ощутимо поддал, нагоняя ковер. Теперь уже все могли без помех разглядеть приближающуюся тварь крайне странного, надо отметить, вида. Эта бестия, судя по всему, успела не только давным-давно сдохнуть, но и основательно прокалиться под жарким солнышком. За летучим караваном, преспокойно молотя воздух полупрозрачными крыльями, летел громадный скелет, окутанный синим пламенем, словно в реберной клетке у него полыхал настоящий пожар.

У Радимира при виде этого существа наверняка бы пробудились трогательные воспоминания.

Демонесса, отказавшись от предыдущего вопроса, решила спросить у дервиша, нет ли среди пустынных ловушек чего-то подобного, но по поднятым бровям, которые украшали собой напярженное лицо орка, было сразу понятно, что для Харад-аля это зрелище тоже в новинку.

Альтимир не вытерпел:

— Что это вообще такое?!

Дервиш глянул на человека так, как будто впервые его увидел, и сказал медленно, издевательски вежливо, идеально выделяя каждое слово:

— Это дракон.

— О! — Никто не поверил своим глазам.

Паладин и впрямь задумался, уставившись на приближающуюся тварь. Но всего через несколько секунд его снова прорвало:

— Ну да! Похож, но это, черт подери, скелет какой-то! — Дракон как раз в этот момент издал долгое проникновенное рычание, далеко раскатившееся в жарком воздухе, и паладин быстро, явно инстинктивно, добавил: — Пусть и очень *внушительный*, конечно. Но что ему от нас надо?!

Альтимир, разумеется, мог быть великолепно рассудительным в те минуты, когда занимался серьезным делом. Но все остальное время он предпочитал играть на нервах окружающих; особенно тогда, когда его что-то неприятно поражало. Харад-аль устремил взгляд в сторону кормы ковра, следя за приближающейся бес- тией:

— Очевидно, он хочет кушать. Правда, у него не видно ни глотки, ни желудка, но, я уверен, он как-нибудь решит эту проблему. — Орк перевел взгляд на паладина и внезапно плотоядно оскалился: — Хрум-хрум!

Альтимир, единственный из всех до сих пор не сообразивший, что его слова — это тщательно спланированная провокация, сначала отшатнулся, а потом взорвался:

— Да ты что, издеваешься, что ли, да...

Дервиш щелкнул пальцами и мило улыбнулся, глядя на то, как разъяренный паладин разевает рот, не в силах произнести ни звука.

— Не помню, чтобы мы переходили на «ты», уважаемый паладин. Возможно, стоит поучиться вежливости?

Снор и Кьяр, переглянувшись, хохотнули и грохнули друг другу по ладоням, после чего с одобрительным выражением показали Харад-алю по два больших пальца. Орк напоказ поклонился и мгновенно увернулся от колена Альтимира, который решил перейти к более решительным действиям для доказательства своей правоты. Сетэль же подобралась к паладину сзади и ухватила его за ухо, чтобы привести наконец в чувство. Человек пару секунд простоял с закрытыми глазами, после чего резко вырвался, скрестил руки на груди и отошел, всем своим видом выражая презрение к «этой шайке проходимцев», «которые все заодно».

Демонесса, прочитав мысли паладина, тихонько хихикнула и повернулась к дервишу:

— Уважаемый, не научишь ли и меня также? Чувствую, мне — да и всем нам — это еще пригодится. Конечно, можно рассчиты-

вать на то, что Альтемир поумнеет и исправится, — демонесса повернулась к паладину и окинула его нарочито оценивающим взглядом, — но... в общем, научишь?

Альтемир оскорбленно фыркнул, гномы расхохотались, гулко, как две железные бочки, орк понимающе хихикнул:

— Я просто не захотел слышать его голос. Точно так же, как ранее я захотел, чтобы вы понимали мою речь, как свою родную. Это особые способности дервишей. Сомневаюсь, что у кого-нибудь получится это повторить, но попробовать, судя по неудержимому темпераменту этого пылкого юноши, явно стоит.

Демонесса улыбнулась и, больше не теряя времени, выразила орку свою готовность выслушать его план. То, что старик явно что-то задумал, было понятно любому, иначе зачем бы ему понадобилось временно нейтрализовать буйного Альтемира.

— Так вот, — дервиш огладил бороду, — предлагаю следующее. Я уже отдохнул, так что смогу поддержать наших ковроводителей. Мы увеличиваем скорость так, чтобы эта летучая мерзость нас не догнала, но и терять ее из виду тоже не будем. Потому что вряд ли такая тварь закопается в песок и заснет, а если ее оставить в покое, она пройдет над незащищенными пустынными племенами, как коса над травами. Мы все, разумеется, умеем за себя постоять, особенно закаленные жители восточных песков, но этот костяной дракон достаточно силен. А я бы не рисковал использовать сильные чары, стоя не на твердой земле. Ну а если мы будем снижаться, чтобы принять бой, чудовище точно успеет нас догнать.

Все одарили спокойно работающую крыльями тварь короткими, но неласковыми взглядами, разом кивнули и приготовились слушать дальше.

— Так вот, мы притащим его на хвосте к вратам пустыни. После чего разом разберемся и с ним, и с остальными врагами. Ведь мы хоть и можем уничтожить его здесь, — дервиш потер ладони, неприятно улыбнувшись, — но это было бы нерациональной тратой сил. В конце концов, чтобы окончательно угробить эту тварь, потребуется что-то масштабное. Сам-то дракон сгинет в эпицентре, а на что уйдет ударная волна? Взвихрит песок? Нет, я на это не согласен. Если уж бить, то по целой куче. Как вы считаете?

Разумеется, доводов «против» было предостаточно, один только Альтемир фыркал и хмыкал настолько красноречиво, что мог бы переубедить целую роту спорщиков. Никто не знал, откуда взялась эта тварь и на что она способна. Никто не знал, как она поведет себя в дальнейшем; и вообще, может быть, она умеет летать и быстрее?

Къяр окинул внимательным взглядом лица всех своих союзников, хранивших подчеркнуто нейтральное выражение лица, и улыбнулся широко, за всех сразу:

— Безумие. Но мы все согласны.

В конце концов, все взрослые — в какой-то степени дети. И стоило посмотреть на то, как запыльхали у всех глаза в предвкушении обещанных дервишем масштабных действий, чтобы понять, *в какой же именно степени* они дети.

А Альтемир наконец-то получил возможность ощутить настоящую скорость. Харад-аль не удержался от небольшого мстительного урока: он оставил паладина вне защитного экрана после того, как ковры резко рванулись вперед. Всего на одну секунду, но и этого хватило, чтобы человека распластало встречным ветром по невидимой стене. Через мгновение, когда «ошибку» исправили, Альтемир уже стоял на четвереньках внутри щита, хватая ртом воздух, и начинал всерьез задумываться о пользе воздержания от сороспелых и опрометчивых решений.

Дервиш потирал ладони и хихикал.

Яссольф с подручными, чей ковер удачно оказался последним в караване, упросил снять заднюю часть щита и теперь проводил показательные стрельбы по летящей следом твари. Дракон исправно покрывался пятнами копоти, гневно рычал, но рассыпаться даже от полновесного залпа всей батареи пушек не собирался. Впрочем, догнать ковер обидчиков и расплатиться сполна у него тоже не получалось. Или он пока не хотел.

Песчаные барханы проносились внизу. Солнце невероятно медленно, лишь понемногу обгоняя путешественников, ползло по небу, желая первым увидеть, что же происходит у врат пустыни.

Судя по напряженному лицу Харад-аля, там собирались тучи. Даже притом, что гроз в пустыне отродясь не бывало.

«Что это?!»

Ширш, самый внимательный из всего отряда, первым увидел нечто странное на горизонте. Все остальные рассудили, что если даже невозмутимый кирсс заволновался, то на подобное зрелище однозначно стоит взглянуть. Гномы разом вытащили свои трубки для дальнего обзора. Снора перекосило почти сразу, Къяр просто побледнел, но особо жизнерадостным не выглядел. Сетэль, используя магическое зрение, вообще сморщилась так, словно опрометчиво вгрызлась в лимон. И только Альтемир не особо понимал, в чем дело: он-то ведь видел всего лишь темное пятнышко на горизонте. Хотя, повинувшись чувству локтя, он тоже вопросительно посмотрел на дервиша.

Харад-аль слегка хихикнул и отступил на шаг, поднимая руки ладонями вперед:

— Это врата пустыни. Их видно издалека, не правда ли? До них еще десяток лиг, не меньше.

Гномы вслух никак не высказались по поводу грандиозности сооружения — верный признак того, что их тоже проняло. Спор с большим трудом удержался, чтобы сплюнуть под ноги, и с гадливостью процедил сквозь зубы:

— Ну и что это за дрянь, на которую нам еще десять лиг любоваться?!

Дервиш снова оказался под прицелом сразу шести неприязненных взглядов, но взять бывалого орка, тем более достигшего гармонии, оказалось не так просто. Он приятно улыбнулся, продемонстрировав все свои клыки, и спокойным, учительным тоном затянул:

— Врата пустыни, пожалуй, древнейшее сооружение в наших песках. Мы достигли куда большего просветления, чем наши предки, и нам уже чужды мысли об истреблении всех чужаков. Но древние, что подняли здесь эти обелиски, хотели ясно и недвусмысленно дать понять всем гостям, что лучше бы им сразу повернуть назад.

— И им это удалось, — пробурчал Къяр.

Зрелище действительно было незабываемое. Но вдобавок существовала еще одна причина для неприятных мурашек, бегущих по спине любого причастного волшебству: с запада несло волной мощной и совершенно отвратительной магии. Дервиш не врал, когда говорил, что пустыня находится под осадой и силы для прорыва скопились нешуточные. Судя по отголоскам, там собрался весь цвет сообщества некромантов.

Врата пустыни представляли собой два каменных обелиска запредельной высоты, плавно сужающихся кверху наподобие веретен. Ни перекладыны, ни створок, разумеется, не было — только два столба, каждый из которых тянулся ввысь не меньше чем на четверть версты. Но столбами они казались только издали. На деле же это были статуи. И все члены отряда, включая Альтемира, одолжившего у гномов подзорную трубу, были согласны, что неведомому мастеру, изваявшему подобное, руки оторвать мало, хотя он, безусловно, был подлинным гением, но это только усугубляло дело.

Больше всего эти скалы походили на каких-то гигантских насекомых, вставших на дыбы и повернувшихся спинками к пустыне. Брюшки же, состоящие из хитиновых пластин с огромным ко-

личеством тщательно высеченных в камне и совершенно омерзительных ножек, были обращены к подлетающим коврам. И в солнечных лучах эти мастерски сработанные каменные отростки казались движущимися — целый шевелящийся ковер. Общее впечатление складывалось совершенно тошнотворное, не помогали даже трезвые доводы разума о том, что это просто скульптура под определенным углом освещения. Все согласились, что даже зрелище летящего позади дракона куда приятнее, и принялись пытаться дервиша в третий раз.

— Нет, ты не подумай ничего такого, — Сетэль терла лоб, пытаясь подобрать по возможности более нейтральные слова, — но что подвигло этого... *камнетеса...* на *подобное*?

Снор, порядком нагледевший на отдаленно похожих тварей в своих подземельях и не питавший к ним ровно никаких теплых чувств (эти бестии обычно обладали характером под стать весьма отталкивающей внешности), мрачно закивал, инстинктивно нащупывая рукоять секиры. Если бы этот скульптор сейчас оказался рядом, то... в общем, лучше бы он не оказывался рядом.

Харад-аль всезнающе усмехнулся:

— О, это, судя по нашим хроникам, были такие существа. Разумеется, не таких размеров. Да и особой опасности они не представляли. Но очевидно, кому-то их вид показался достаточно красноречивым — и пожалуйста!

В отряде очень многие умели читать между строк. Практически все, за исключением пока слишком молодого Альтемира и сугубо прагматичного Снора. Поэтому в адрес дервиша уже было готово сорваться несколько уточняющих вопросов. К примеру, насколько все-таки *особой* была представляемая ими опасность? И *в какую сторону* они отличались размерами от своих изваяний?

Но от всего этого Харад-алья спас тот, от кого дервиш уж точно меньше всего ждал помощи, а именно костяной дракон.

Чудовище взревело и словно взорвалось, запалив в небе настоящую звезду из синего пламени. Но ослепительная вспышка не означала гибели твари, как раз наоборот, по небу разнесся громогласный, ликующий рев костяного дракона, и из огня вырвался он сам, сияя чистой костью без каких-либо следов копоти, набравший сил, прибавивший скорости и даже вроде бы увеличившийся в размерах.

Харад-аль среагировал мгновенно, развернувшись лицом к замыкающему коври и начав творить что-то уже в движении. Диковинное средство передвижения рванулось так, словно за ним по

пятам увязалась целая стая моли, но полностью от удара все равно уйти не успело. Дракон, рванувшись вперед, вцепился в ткань зубами, а передние лапы с растопыренными когтями вытянул вперед, намереваясь сграбастать всю артиллерийскую батарею во главе с самим Яссольфом.

Неудержимый демон подхватил свою пушку на грудь и, не целясь, влепил заряд прямо в глаз чудовищу. Дракон взревел, и его атака сбилась. Когтистая лапа со смертоносными костяными лезвиями, готовая расплатать весь отряд на тоненькие ломтики, попросту выстрелила вперед, пронзив полотнище ковра, а мощь удара пришлось прямо в пушку Яссольфа, разбив ее вдребезги. Сам же демон отлетел назад, сшибив с ног нескольких своих бойцов, и явно потерял ориентацию в пространстве, только тяжело ворочался, безуспешно пытаясь встать, а потом и вовсе впал в беспамятство.

Харад, увидев, что терять уже нечего, досадливо поморщился и раскрытыми ладонями оттолкнул воздух от себя. Как ни странно, этот жест, больше похожий на пассы играющих в могучих чародеев мальчишек, сработал: костяного дракона словно приложили по морде громадной кувалдой. Он заревел, заскрежетал многочисленными сочленениями, но противостоять напору не смог, несмотря на увеличившиеся под действием ворот силы. Его отбросило назад и закрутило в невидимом смерче. Но и ковер, за который тварь цеплялась когтями, превратился в драные лохмотья. Двое ковроводителей, находившихся со стороны, где летел дракон, были ранены — один попал под укус, а второй под удар лапой. Слава богу, живы и здоровы остались два других. Однако ковер, частично потеряв управление, начал рыскать в воздухе, терять скорость и высоту, кренясь то на один бок, то на другой.

Альтимир с удивительно спокойным выражением лица уцепился пальцами за кончик носа и сказал:

— Быстрее, надо перегрузить наших пушкарей. Два оставшихся водителя должны суметь наклонить ковер, а мы ссыплем демонов на два уцелевшие ковра. Разумеется, долго мы так не пролетим, но долго нам и не надо, верно?

Драгоценная секунда прошла в немом изумлении. Особенно был поражен старый дервиш, еще не видевший паладина разумным и деятельным и считавший, что в команде его держат на роли всеобщего клоуна. После чего коротко кивнул и принялся за дело.

Первая часть демонов перекочевала на ковер, где располагались объединенные силы четырех народов. Сюда же перетащили Яссольфа, который все еще лежал в беспамятстве. Двое демонов

из Слаало несли своего вождя, а еще двое зачем-то тащили обломки его пушки. Другая половина батареи приземлилась на ковер под началом Наран-зуна. Вождь орков, разумеется, был не в восторге от столь близкого соседства с чужеземцами, но, скрепя сердце, согласился — в конце концов, общее дело было важнее. По крайней мере, пока.

Караван еще прибавил скорости; приди теперь кому-нибудь в голову идея посмотреть вниз, он не различил бы и гребни барханов. Врата пустыни стремительно приближались, а сзади медленно, но неотвратно поджимал хлопающий крыльями костяной дракон.

— А теперь кто-нибудь мне скажет, почему же эта тварь внезапно словно проснулась? — Альтемир по-прежнему стоял, вцепившись пальцами в кончик носа, но в его голосе уже проявлялись привычные нотки нетерпения.

Дервиш, косо поглядывая то на дракона, то на паладина, сделал неопределенный жест:

— Не знаю, такое ощущение, что этот прилив сил пришел буквально из воздуха.

Мурен, последнюю минуту смотревший в сторону врат пустыни, встопорчил шерсть и зашипел. Все маги поняли его без слов: в самом деле, чтобы не заметить такое, нужно было очень постараться.

Между двумя каменными столбами тянулась линия волшебной обороны, а к ней двигался некий чародейский эквивалент тарана. Битва за врата, очевидно, только началась, вражеские стороны разделяли еще многие сажени песка, но дело обещало быть жарким.

Нетрудно было догадаться, что заставило костяного дракона удвоить усилия — в рядах атакующих стояло столько черных магов, что одни лишь эманации их заклинаний могли в буквальном смысле разбудить мертвеца. И не одного.

Тварь действительно почерпнула мощи в прямом смысле из воздуха, и чем ближе ковры подлетали к эпицентру событий, тем сильнее становился дракон. Но всем хватило одного взгляда вниз, дабы понять, что отныне костяная бестия — лишь меньшая из множества проблем.

По песку, нацелившись на середину просвета между каменными столбами, ползло ужасное создание — судя по виду, родной брат тех страшилищ, что были увековечены в самих вратах пустыни, только росточком поменьше. И разумеется, эта тварь была целиком и полностью магической.

ТЕНИ ПРОРОЧЕСТВА

О трилогии Николая Бородин «Хозяин Пророчества»

Повествование начинается в духе старого, доброго романа-путешествия в разобленном постапокалиптическом мире (причина катастрофы может быть как магической, так и технологической), неуловимо напоминающего своей спокойной деловитостью «Путешествие Иеро» Стерлинга Ланье или «Восточную империю» Фреда Саберхагена. Молодой вождь, впервые столкнувшийся с силами зла, мудрый шаман, который приносит жертву ради племени, тревожные вести от союзников. И неважно, что вместо рук и ног только лапы, а люди автоматически перемещаются на сторону противников; в любом случае возникает предчувствие героического похода, который потом развернется в полномасштабный эпос. Так оно и вышло... но, к счастью, не совсем так. Романов-квестов в жанре фэнтези существует несметное количество, и все они, по сути, сводятся к одному: юный герой по собственному выбору или по воле обстоятельств странствует по свету с более или менее определенной целью, постепенно приобретая экзотических друзей с разными способностями и не менее могущественных недругов. По мере его взросления картина мира становится более широкой, появляются новые горизонты и неведомые земли. Фабула может быть сколь угодно сложной, но философия обычно очень проста — прокататься до максимально возможного уровня и заодно избавить мир от текущего абсолютного зла, которое у всех уже в печенках сидит. Таково направление всех современных эпопей, начиная с Тэда Уильямса и Дэвида Эддингса, с готовностью и разным успехом подхваченное отечественными авторами.

Существуют ли исключения из этого правила? Конечно, они есть, особенно там, где присутствует настоящая работа мысли, а также разные оттенки серого и акцент либо на юмористическую сторону происходящих событий, либо на их темные и жестокие аспекты. Примеры каждый может найти сам. В заключение этой

преамбулы нужно сказать, что у автора все это имеется в наличии, что делает чтение интересным и местами дает неожиданные результаты.

Итак, как уже было упомянуто, первая книга начинается с великого похода разных нечеловеческих племен с целью отомстить людям за былые обиды или вернуть исконные места своего обитания. Это настраивает на грядущие баталии с использованием как магии, так и обычного оружия, но и навевает угрюмые мысли о повторении пройденного («Ага... Ну вот, сейчас одни будут бить других, потом другие опомнятся и врежут первым, потом будет какое-нибудь предательство, а потом произойдет чудо...»). На первый взгляд все так и происходит, но у автора есть более далеко идущие цели.

Главными героями первой книги («Пепел прошлого»), с одной стороны, являются молодой вождь кошачьего воинства Ширш и шаман его племени Мурен, которые даже в развоплощенном виде чувствуют себя неплохо (кстати, негуманоидные разумные существа получают удачное собирательное название «бестий»). С другой стороны — это пламенный паладин церкви Альтемир, который под бдительным оком своего духовного наставника Диомира ведет свой полк на праведный бой с бестиями. Здесь на вооружении автора известный арсенал фэнтезийных средств: зачарованный лес, антагонизм между древними магами и все более агрессивной церковью — кстати, интересно, как повешенный Спаситель соотносится с новым культом солнечного бога, — и, наконец, любимые гномы, в чьих рядах по-прежнему нет полного согласия. Некоторый перелом, а вместе с тем и переход от одного стиля повествования к другому происходит после того, как Диомир предстает в своем истинном облике архимага Радимира Оцелота, а заодно сообщает Альтемиру о его предназначении как одного из Детей Пророчества, которые должны вскрыть источники первозданных сил для борьбы с темным братством Цепи, имеющим такие же источники, но для противоположных целей. Пока что все происходит в рамках черно-белой парадигмы, но автор постепенно смещает акценты, переходя от героики к юмору и подготавливая читателей к более широкой картине мироздания.

Нить повествования, подхваченная в следующей книге («Маска священной лжи»), ведет через бескрайние подземелья гномов и бесконечные схватки с демонами к новому уровню понимания ситуации. Кстати о магии — она присутствует повсеместно и по своей энергетической природе и описаниям напоминает некоторые более или менее ранние эззерсисы Перумова, который тоже

любил геометрические построения, разные цвета и формы с подробным описанием их воздействия. Но это к слову, поскольку именно магия играет важнейшую роль в проистекающих событиях. Еще необходимо заметить, что вместе с гномами появляется элемент бесшабашной удалы и мужского юмора, преобладающий почти до самого конца трилогии. Взаимные подначки и испытания на прочность происходят на фоне возрастающего размаха боевых действий, одновременно с которым к героям приходят новые откровения. Одно из них — очаровательная демоница Сетэль, тоже Дитя Пророчества, которая переворачивает с ног на голову все старые представления о демонах. Другое — рассказ Радимира, открывающий часть загадки и демоническую природу Солнечных птиц, которым служит новая церковь со всем своим аппаратом священной инквизиции. На закуску читатель получает долгожданных орков и новое феерическое представление с перелетом на коврах-самолетах над пустынными просторами. Казалось бы, ход повествования окончательно сворачивает в русло юмористического фэнтези, но это еще далеко не все.

Отдельного упоминания заслуживают гномы, представленные здесь во всей красе. Это и хитроумный наугер (маг) Кьяр со своим боевитым братом Снором, и великий изобретатель Надар со своим автотазом, беспилотными вертолетами-убийцами и смертельными извергателями железных пуль. А чего стоит застарелая вражда между северными и южными кланами, под которую подведена вполне солидная основа. Гномы как земные существа — сами очень солидные парни, и тем внушительнее их союз с настоящими демонами, существами огня из земных недр, которые тоже не прочь побаловаться огнестрельными устройствами. Путешествие по набитым нечистью подземельям образует небольшую книгу внутри книги, от которой иногда ум заходит за разум, но ведь так оно и было задумано.

С появлением новых древних магов, особенно Лерны — Светланы и ее сестры Ленсы, в общую боевую и ироническую струю вплетается до сих пор обозначенная лишь пунктиром линия предназначения, приобретая ясные черты, хотя на поверку все это снова оборачивается обманом зрения. Одновременно с эпическими баталиями между магами и первозданными сущностями с обеих сторон выстраивается и некоторое философское обоснование. Охотники и Звери — те самые сущности, чьи гробницы напереронки вскрывают обе стороны, — оказываются двумя сторонами одной медали и более того, нераздельным целым, подобно инь и ян в символе тай-цзи после его формирования из Великой Пусто-

ты (у-цзин). И получается, что некромантия, то есть управление неживыми вещами, это не так уж плохо и сродни стихийной магии, а вот культ Пустоты со всеми его порождениями, в том числе демоническими — это да, хуже не бывает. Подобное членение может привести к когнитивному диссонансу, но это с лихвой окупается динамикой действия и невысказанностью окончательной тайны. В общем, рубка предстоит не хилая, это однозначно.

Философский аспект трилогии яснее всего проявляется в концепции Тени, о которой сам автор говорит так:

«Тень в данном значении — это существо, в душе которого прячется вторая вырвавшаяся из места Силы сущность. Эти сущности бессмертны, поэтому вы ошибались, считая, что в момент вскрытия гробницы охотник убивает зверя или наоборот. Побеждает и изгоняет — да, но не убивает. Поэтому в тексте Пророчества и говорится о тенях. И вот сейчас самое интересное. Зверь и охотник — участники вечного противостояния, они неразрывно связанные неотъемлемые враги. Их противоборство подобно борющимся в душе любого мыслящего создания чувствам... Например, людям достались охотник и зверь, связанные воедино верой. Но если охотник являет собой более спокойную ипостась этого качества, то зверь — это отрицательный абсолют. То есть фанатизм. Подобных подарков досталось всем поровну, то есть каждой расе по какой-то черте характера. Они, кстати, забавно отражаются в наиболее типичных характерах представителей самих этих рас, но что тут первично, я гадать не собираюсь».

Мы, в общем, тоже. Само понятие тени, лежащей между мыслью и действием, между возможным и существующим, составляет одну из основ экзистенциальной философии XX века, но искать в подобных размышлениях диалектический материализм с его «единством и борьбой противоположностей» по меньшей мере смешно. Закрывать же тему попробуем следующими строками:

Меж замыслом и твореньем,
Меж страстью
И страстью ответной
Лежит Тень.
(Т. С. Элиот «Полюе люди»)

Наверное, здесь нет прямых аналогий, но, если автор руководствовался чем-то подобным при создании своего эпического полотна, уже радуется. Так или иначе дальнейшие схватки с видимой победой добра над злом оказываются иллюзорными и раскрыва-

ют перспективу еще более грандиозного плана. Естественно, не будем вдаваться в подробности, чтобы не испортить впечатление, но все же заметим, что здесь не обошлось без неких высокомерных существ, которые считают себя первенцами творения (хотя это не так) и предпочитают исподтишка вмешиваться в дела всех остальных, чтобы направить их к достижению собственной выгоды. Смогут ли они добиться успеха на этот раз? Мы еще посмотрим!

Финал очень выразителен. «Когда судьбу заставили играть по правилам, она в ответ создала магию». Любое пророчество оказывается промежуточным до тех пор, пока игра не доведена до конца. Но ведь что-то есть там, вдали? Да, что-то есть.

Магия есть не только в заклинаниях, но и в обычных словах. Чем больше людей это поймет, тем лучше.

Удачная попытка и, в общем, хороший роман. Хотелось бы прочитать продолжение.

Кирилл САВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО	9
МАСКА СВЯЩЕННОЙ ЛЖИ	225
ХОЗЯИН ПРОРОЧЕСТВА	503
<i>Кирилл Савельев. Тени Пророчества. О трилогии Николая Бородина</i> <i>«Хозяин Пророчества»</i>	663